ПОѢЗДКА

ВЪ САРАТОВЪ, АСТРАХАНЬ И НА КАВКАЗЪ (*).

Кавказъ для Русскихъ помѣщиковъ, тоже что Мекка для Магометанина; каждый изъ насъ, разъ въ жизни (предполагая, что нѣтъ существенной надобности; а послѣ Московскихъ водъ, кто въ этомъ сомнѣвается?) соберется въ горы: побывать у Черкесовъ, поѣсть баранины, купить бурку, слазить на машукъ — и попить живой и мертвой воды, сѣсть въ горячія и хватить нарзану. Таковы потребности, причины и предлоги нашей братьи степныхъ жителей: ибо мы рады къ чему нибудь

(*) Наблюдатель съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаетъ эту статью, въ которой видѣнъ просвѣщенный взглядъ на страны, намъ столько любопытныя, о которыхъ такъ рѣдко пишутъ наши образованные путешественники.

придраться, чтобъ нарушить скуку однообразной нашей жизни: это Русская степь зимою — да и лѣтомъ тоже.

По недостатку семьи, съ которою обыкновенно ѣздятъ на Кавказъ, я нашелъ больнаго товарища, но мы отступили отъ обычая, ѣздить на своихъ, и сдѣлали дурно: на почтѣ сберегается только время — вещь у насъ самая безполезная: ибо всякой старается его — убить, самые дѣятельные — провесть.

На своихъ же ѣдешь дешево, покойно; выбираешь любую дорогу,— останавливаешься гдѣ хочешь, — можешь вдоволь любоваться широкою Русской природою; на Кавказѣ, для частыхъ переѣздовъ съ однихъ водъ на другія, лошади необходимы: къ тому-же это-бы пополнило характерный портретъ помѣщика.

Запасясь деньгами, попировавъ съ пріятелями, простясь съ родными, помолясь Богу, — мы сѣли въ дроги (*).

Что это за экипажъ? Это произведеніе заволжскихъ степей и не есть что-то среднее между Европейской коляской и нашей телегою, но счастливое сочетаніе того и другаго; они, по нашимъ дорогамъ, столь же покойны, какъ коляска, и такъ же легки, дешевы, прочны, укладисты и безопасны, какъ простая бричка: однимъ словомъ, это колясочный кузовъ на длинныхъ гибкихъ дрожинахъ.

(*) Дроги называются: карандасъ, разлюли.

Сколько разъ въ ущеліяхъ Кавказскихъ, никакому другому экипажу недоступныхъ, въ пескахъ Астраханскихъ и на деревенскихъ плотинахъ, гдѣ по ступицу вязли кареты и коляски, я благословлялъ изобрѣтеніе дрогъ.

Чтобъ доѣхать изъ С. Д. Пенз. Губ. до большой Саратовской дороги, надобно проѣхать было значительное пространство; ночевать завернули къ одному знакомому помѣщику, у котораго нашли садъ засаженный бобовникомъ: степная оригинальность!

Петровскъ, уѣздный городъ Сар. Губ., сборъ лачужекъ на Медвѣдицѣ; передъ нами дни за 3, онъ почти весь выгорѣлъ: это вещь очень обыкновенная съ нашимъ способомъ постройки, — но замѣчательно, что ни одинъ домъ не былъ застрахованъ — и многіе не знали даже о существованіи страховой конторы. Желательно, чтобы этотъ случай сдѣлалъ ихъ внимательнѣй; но почему и страховая контора не употребляетъ дѣятельнѣйшихъ средствъ для обнародованія своихъ правилъ и условій?

Въ Маѣ мѣсяцѣ и въ сухое время дороги у насъ хороши, и мы быстро доѣхали до Саратова.

Мало городовъ въ Россіи, которые бы совокупляли столько торговыхъ выгодъ, по мѣстоположенію, какъ Саратовъ. Почти въ центрѣ Россіи; на берегу Волги, которая соединяется съ сѣверомъ и югомъ, съ Москвою и Петербургомъ, Архангельскомъ и Астраханью, посредствомъ Камы далеко углубляется въ Сибирь; а малый волокъ Камышинскій, который предполагаютъ прорыть, сообщаетъ

Саратовъ съ Дономъ, а посредствомъ сей рѣки съ Таганрогомъ и Чернымъ моремъ.

Поставленный на краю просвѣщенной Россіи, онъ, по особеннымъ стеченіямъ обстоятельствъ, пользуется выгодами образованія и варварства: ибо окруженный трудолюбивыми Нѣмецкими колоніями, онъ примыкаетъ къ кочующимъ ордамъ Киргизовъ за Волгою — и Калмыковъ около Царицына. И потому, рынокъ Саратова заваленъ желѣзомъ, получаемымъ изъ Сибири; лѣсомъ изъ Вятки; пшеницею отъ Нѣмцевъ; скотомъ, саломъ и шерстью отъ Киргизцевъ и Калмыковъ. Прибавьте къ тому благодѣянія природы: всякаго рода рыбу, доставляемую Волгою — и соль изъ заволжскихъ соленыхъ озеръ. Многіе помѣщики, въ окрестностяхъ, разводятъ многочисленныя стада мериносовъ,—и городъ окруженъ богатѣйшими садами Россіи. Заволжскія степи, богатыя и малоизвѣстныя, привлекаютъ ежегодно множество земледѣльцевъ и рабочихъ и переселенцевъ, которые почти невидимо, но существенно, прибавляютъ богатство области: въ продолженіе послѣднихъ 10 лѣтъ, по оффиціальнымъ извѣстіямъ, болѣе 90,000 мужеска пола переселенцевъ водворилось за Волгою.

Мудрено ли что Саратовъ видимо увеличивается и украшается? Церкви обширныя и богатыя; много каменныхъ зданій, какъ казенныхъ такъ и частныхъ; изъ первыхъ замѣчательны присутственныя мѣста и еще недостроенный домъ Архіепископа, настоящій дворецъ. Постройка частныхъ домовъ носитъ разительный отпечатокъ измѣненія общества. За 30 лѣтъ построенные, обширны, великолѣпны;

расположены для баловъ, обѣдовъ; съ оранжереями, терассами, садами — и вообще со всѣми прихотями роскошной и гостепріимной жизни: построены по большей части здѣшними чиновниками. Строенные въ послѣдствіи, дворянскіе домы и даже жилища чиновниковъ, особенно теперешнихъ, гораздо скромнѣе; но много воздвигается домовъ купеческихъ съ лавками, магазинами и погребами, по всѣмъ требованіямъ торговли и промышленности.

Улицы прямыя, широкія, ибо городъ расположенъ по плану, но немощеныя: и мудрено этому недостатку помочь, ибо, по обыкновенію Русскихъ городовъ, захвачено огромное пространство. Я вспомнилъ положеніе о вновь строющихся городахъ въ Германіи, гдѣ прежде нежели построитъ домъ, хозяинъ обязанъ вымостить свой участокъ улицы и сдѣлать тротуаръ: и вотъ почему въ Германіи города растутъ вверхъ, а не въ ширину. Не взирая на большое количество нашихъ экипажей, кажется, Нѣмецкое устройство удобнѣе, ибо позволяетъ безъ нихъ обходиться.

Не льзя не замѣтить несообразности нашихъ архитекторовъ при постройкѣ здѣшняго собора. Это четвероугольное, кубическое зданіе, окруженное низенькими портиками, съ однимъ куполомъ, съ тремя распашными огромными дверями, — менѣе всего похожее на христіанскій храмъ Греческаго исповѣданія; и, кажется, совершенно забыто, что въ Саратовѣ зима въ 8 мѣсяцевъ — и морозы въ 30°. Столь пламенное воображеніе зодчаго, причиною, что въ погребахъ собора строютъ зимнюю церковь, а большая только для лѣта и для виду; кругомъ разросшается булеваръ.

Ва Саратовѣ чулочная фабрика, Сарептскій магазинъ, каретникъ и ресторація весьма порядочная, гдѣ можно найти хорошія комнаты, экипажъ, изрядный столъ и баню: за все это путешественники по здѣшнимъ степямъ часто говорятъ спасибо Г-ну Сегино.

Впрочемъ большаго разсѣянія заѣзжему нѣтъ: никакихъ общественныхъ удовольствій найти не льзя. Книжная лавка довольно бѣдная; Русскими книгами снабжаетъ ее Макарьевская ярмарка, а иностранныхъ вовсе нѣтъ. Общество дворянъ, прежде многочисленное и богатое, теперь ограничивается чиновниками: помѣщики поразстроились, позадолжали и, принявшись за хозяйство и бережливость, живутъ по деревнямъ. Одна пѣсня вездѣ.

Волга здѣсь широка, глубока и величественна, какъ мать Россійскихъ рѣкъ. Характеръ ея красоты совершенно особенный и весьма различный отъ характера рѣкъ Европейскихъ. Съ одной стороны въ нее смотрятся золотыя главы и высокія колокольни Саратовскія, и сѣдыя горы праваго берега, опушенныя лѣсомъ и садами; съ другой разстилается необозримая степь, осребренная ковылемъ и обитаемая сайгаками. По срединѣ широкія песчаныя отмѣли или шальникомъ обросшіе острова. Индѣ глазъ встрѣчаетъ Нѣмецкую колонію и рядомъ хохлацкую деревню. По влажному хребту Волги безпрерывно тянутся еще бичевою огромные досчаники; летаютъ бѣлымъ парусомъ окрыленныя суда, — и ходятъ уже дымные пароходы. Все это вмѣстѣ составляетъ картину разительнаго великолѣпія: особенно когда

ярко восходящее солнце обливаетъ златомъ волны рѣки и серебромъ ковыль степей, или мрачнымъ покровомъ звѣздной ночи — подернутыя небеса смотрятся въ необозримое ея зеркало, и золотые кресты храмовъ, собравъ лучи мѣсяца, горятъ надгробными факелами. Въ мрачной ризѣ ночи, подъ широкимъ наметомъ бури, многоводная Волга и валитъ и стонетъ.

Я нѣсколько разъ былъ за Волгою — и весной и лѣтомъ и осенью — и въ одно мѣсто соединю всѣ свои впечатлѣнія.

Наскучивъ дожидаться парома, я переѣхалъ рѣку въ челнокѣ, на которомъ булочникъ перевозилъ муку; въ Покровской слободѣ, обитаемой частію хохлами, частію Нѣмцами, нанялъ фурмана и черезъ пять часовъ былъ въ Маріенталѣ.

Это богатая колонія на рѣкѣ Караманѣ, въ 45 верстахъ отъ Покровской слободы, и называемая Русскими Дубовкою, вѣроятно, отъ обширной дубовой рощи, единственной, которую въ тѣхъ мѣстахъ я видѣлъ. Жители католическаго исповѣданія и строили въ то время великолѣпный костелъ. Гумны наполнены хлѣбомъ, много магазиновъ, чистые брусчатые домики, и все селеніе окружено кучами кизяка, — который замѣняетъ имъ дрова; обширные огороды, наполненные картофелемъ и табакомъ. Переночевавъ, поѣхалъ я вверхъ по Караману, отыскивать свою землю; жилища, рощи, холмы за мною исчезали, — и степь съ своей величавой дичью развивалась необозримая передо мною.

Это море ковыля кругомъ сливалось съ оловяннымъ горизонтомъ; низменныя мѣста, сохраняя нѣкоторую влажность, отливаютъ островами яркой зелени по сей пепловидной поверхности: они-то и составляютъ плодородіе участковъ земли. Трава вообще жесткая, безъ цвѣтовъ и аромата; изрѣдка чеберъ и буковица; по рѣдкимъ залежамъ полынь. Грунтъ — довольно толстый слой чернозема съ супесью, лежащею на красноватой глинѣ. По оврагамъ и по скату рѣчныхъ береговъ трава мягче, нѣжнѣе, и пастьбища привольныя.

Нечастыя рѣчки вьются медленно, сонно, лѣниво; правильнаго, непрерывнаго теченія не имѣютъ, но составляютъ цѣпь озеръ, иногда совсѣмъ отдѣльныхъ, — но чаще соединенныхъ топкими болотами, покрытыми початками, бадягою, камышемъ, лапухомъ: по ихъ берегамъ растутъ тальникъ, шиповникъ, божье дерево.

По недостатку людей, степь не нуждается въ обитателяхъ. Милліоны насѣкомыхъ, особенно кузнечиковъ, таятся въ травахъ, гдѣ также укрываются жаворонки, карастели, перепелки, и ихъ говоръ, пѣнье и жужжанье — составляютъ въ степи свой голосъ, свою жизнь и дѣятельность. Стадами залетаютъ дрохвы, журавли, стрепета, кулики, дикія утки и гуси.

Множество волковъ, зайцевъ и лисицъ; забѣгаютъ дикія лошади, — и сайгаки, съ береговъ Каспійскаго моря, прикочевываютъ для ягненія, многочисленными стадами; тутъ ихъ стерегутъ охотники.

Степь иногда выжигаютъ — и змѣистыя гигантскія молніи, въ вихряхъ дыма, прошекаютъ во всѣхъ направленіяхъ неизмѣримое пространство: зимою по ней свирѣпствуютъ буруны и вьюги.

Осенью степь покрывается безчисленными скирдами и стогами пшеницы и сѣна; Нѣмцы, на все время уборки, располагаются въ ней лагеремъ, и ихъ огромныя гумны можно принять за вновь возникшіе города. Но послѣ уборки, и дорога въ эти мѣста западаетъ, и изрѣдка по степи разбросанныя деревни, не только съ городами, но и между собою почти никакого сообщенія не имѣютъ.

На возвратномъ пути съ Кавказа, я опять ѣздилъ за Волгу — въ Екатериненштадтъ. Рѣка слила, и пристань отдалилась на 2 версты отъ слободы: что весьма непріятно и столь же неудобно, ибо почтовой дворъ возлѣ самой церкви.

Дорога все по берегу Волги; едва проѣдешь городской выгонъ и хохлацкую деревню, начинаются колоніи. Оба Карамана, большой и малый, едва замѣтные въ степи, но тутъ удержанные множествомъ плотинъ, разливаются широкими и многочисленными рукавами. По ихъ живописнымъ берегамъ расположены Нѣмецкія деревни, правильно и красиво выстроенныя: почти каждая съ своею церковью и своей водяной мѣльницею. Домы ихъ брусчатые съ тесовыми кровлями; кругомъ сады, разводимые съ успѣхомъ. Выгоны обширные; огороды, наполненные всякаго рода овощами, особенно картофелемъ и табакомъ, которымъ они снабжаютъ Саратовскія фабрики. Вездѣ горы кизя-

ка; Нѣмцы такъ къ нему привыкли, что и при лѣсѣ безъ него обойтись не могутъ.

Нѣтъ лѣсу — но множество кустовъ, рощей и деревьевъ, по лугамъ, выгонамъ и кругомъ деревень разбросанныхъ, составляютъ зеленую очаровательную рамку этого Германскаго ландшафта.

Обширное пространство земли, между рядомъ колоній и Волгою, весной понимается водою; Волга, выступивъ изъ береговъ своихъ широкимъ разливомъ, образуетъ при каждой деревнѣ, удобную пристань, объ которыхъ теперь и подумать не льзя. Ихъ мѣсто занято роскошными лугами, которые осѣнены вѣтлами, осокорью и Волжскимъ тополемъ.

Екатериненштадтъ, мѣстопребываніе конторы, имѣетъ двѣ церкви: Католическую и Евангелическую, школу; ведетъ значительный торгъ хлѣбомъ, который отправляетъ на сѣверъ, — и лѣсомъ, отпускаемымъ на югъ и въ степь. Здѣсь, лѣтомъ биржа, на которую стекаются Русскіе работники изъ Великороссійскихъ губерній. Множество Нѣмецкихъ мастеровыхъ занимается успѣшно производствомъ земледѣльческихъ орудій и даже машинъ. Наружностъ городка красивая и опрятная. — Нѣмцы народъ болѣе торговый и земледѣлецъ, нежели промышленный, добры, смирны, разсчетливы, робки. Нравственнаго образованія болѣе нежели въ какомъ другомъ народѣ; доказательствомъ служитъ, что объ уголовномъ преступленіи у нихъ не слышно. Умственныя способности, напротивъ, развертываются медленнѣе: какая разница съ Сарептою,

которая скорѣе напоминаетъ Американцевъ сѣверныхъ Штатовъ, нежели Германію!

Колоніи платятъ подушныя, на ряду съ прочими подданными государства: ибо дарованная имъ льгота уже миновалась. Въ уголовныхъ преступленіяхъ судятся Русскими законами; въ гражданскихъ дѣлахъ, между собою, разбираются своимъ положеніемъ. Земскія повинности несутъ большія, но ихъ раскладываетъ контора. Пользуются свободнымъ вѣроисповѣданіемъ. Вся ихъ теперешняя привилегія заключается въ томъ, что не ставятъ рекрута — что̀ для благосостоянія бездѣлица; но не знаютъ Земской полиціи.

Колонистамъ первоначально отведено было по 30 десятинъ казенныхъ на душу; этѣ земли они выбрали, какъ и естественно, вдоль по Волгѣ — отъ Саратова вплоть до Вольска; къ тому-же, они безпрекословно владѣли, къ нимъ прилегающими, казенными или никому непринадлежащими землями; и обширная Заволжская степь, хлѣбородная и даровая, давала имъ средства распространить свое земледѣліе и скотоводство. Съ нѣкотораго времени, сей порядокъ вещей весьма измѣнился: количество Нѣмцевъ размножилось; казна раздавала земли въ награду чиновникамъ, которые или селились сами, или продавали свои права менѣе занятымъ или болѣе трудолюбивымъ людямъ; казенные поселяне, даже съ праваго берега, захватывали цѣлые участки и подъ названіемъ хуторовъ заселяли цѣлыя деревни. Дѣятельные помѣщики переводили безпрестанно. Движеніе это началось лѣтъ 30 тому назадъ и продолжалось безпрерывно, хо-

тя нечувствительно, ибо мѣста и простору было много. Къ тому-же надобно прибавить, что молва о неплодородіи, о болѣзненныхъ свойствахъ той страны, и существенныя трудности переселенія задерживали многихъ употребить на сей предметъ свои капиталы.

Но лѣтъ десять уже, какъ многочисленные опыты доказали, что земля столь-же плодородна какъ и вездѣ; что климатъ очень здоровъ; что рѣкъ и воды болѣе нежели надобно; что засухъ не болѣе какъ и вездѣ — и что молва о неплодіи сего края основана на предразсудкахъ. Вникли даже въ причину сей молвы: ее распространяютъ и поселяне, самовольно завладѣвшіе казенными землями, и для того чтобъ ихъ не согнали, и для удаленія сосѣдей и совмѣстниковъ въ обширныхъ пажитяхъ, необходимыхъ для здѣшняго скотоводства; и самые помѣщики, которые цѣлятъ куплею земель или правъ, прибавить свои владѣнія. Къ тому же разительные успѣхи К....а, который въ 6 лѣтъ — изъ ничего, безъ риску и торговыхъ оборотовъ, одною силою земледѣльческаго разсчета, самыми простыми элементами, составилъ милліоны, которые ежедневно возрастаютъ, и успѣхи нѣкоторыхъ другихъ въ уменьшенномъ маштабѣ, но въ промышленномъ отношеніи сдѣлавшихъ не менѣе, устремилъ хозяевъ, даже не особенно предпріимчивыхъ, но просто разсчетливыхъ, толпами за Волгу, такъ, что въ послѣдніе 10 лѣтъ болѣе 90,000 чел. мужскаго пола душъ, по оффиціальнымъ извѣстіямъ, поселились въ степи. Правительство предположило построить тамъ два города. И теперь стѣсненіе весьма замѣт-

но : ибо каждый центръ очертилъ уже около себя кругъ , сливающійся съ сосѣднимъ.

Около Самары , какъ ближайшей къ пристани , и по большой рѣкѣ , земли были разобраны первыя ; тамъ пошли по Иргизамъ, добрались до Карамановъ и уже доходятъ до Еруслана и Узеней: еще неопредѣленный соляной тракшъ затрудняетъ разборъ сихъ послѣднихъ земель , которыя , по заведенному обычаю , слывутъ еще въ безплодныхъ, хотя жатвы обильны , посѣву множество и скота вдоволь.

Хлѣбопашество здѣсь гораздо обширнѣе того , что̀ можно ожидать отъ здѣшняго народонаселенія; потому что большія пространства земли воздѣлываются наймомъ. Едва начнется весна, сюда тянутся хохлы съ многочисленными волами; все лѣто степь ими раздирается за весьма недорогую цѣну: ибо волы питаются подножнымъ кормомъ и содержаніе хохла , такъ какъ вообще русскаго работника , весьма неприхотливо; свой-же трудъ и время онъ почти ни во что не цѣнитъ. Къ сѣнокосу и уборкѣ спѣшатъ работники почти изо всѣхъ Сѣверныхъ губерній Россіи : это большою частью крѣпостные, и въ лѣто они заработываютъ рублей по сту на брата. Они нанимаются въ Екатеринештадтѣ и всегда съ уговоромъ , чтобы всякой базаръ справляться о цѣнахъ и прибавлять столько , сколько общей цѣны прибыло ; и чтобы арбузовъ , дынь и огурцовъ , или какъ они называютъ бахчи , было вдоволь.

Такимъ образомъ съ осени приготовленная земля, рано весною засѣвается пшеницею: бѣлотуркою

или черноголовкою. Такъ какъ тутъ одна бороньба, то работниковъ требуется немного, и кто имѣетъ хоть малое заселеніе, тотъ обыкновенно довольствуется своими; къ уборкѣ же принанимаютъ. Такимъ образомъ совершается здѣсь обширнѣйшее хлѣбопашество, съ малымъ количествомъ осѣдлыхъ.

Большое количество соломы зимою и обширные сѣнокосы и пастьбища даютъ способы къ распространенію всякаго рода скотоводства, которое, правду сказать, менѣе отличается качествомъ, нежели количествомъ: но для дохода это все равно. Лошади за Волгою, Киргизской породы, малы, нескладны, острокостны, но крѣпки и неприхотливы: ибо всю зиму на подножномъ корму, т. е. выкапываютъ копытомъ изъ подъ снѣга нескошенную траву. Ими производится вся молотьба пшеницы. Это дѣлается самымъ простымъ способомъ: выбираютъ крѣпкую здоровую лошадь и за узду привязываютъ длинную веревку; съ другой стороны, за шею прицѣпляютъ къ ней другую лошадь, къ этой третью и наконецъ четвертую. Человѣкъ, взявши веревку въ руку, становится середи тока, устланнаго снопами, и погоняетъ кругообразно взнузданную лошадь; за нею лѣсенкою бѣгутъ связанные съ нею спутники. Кругъ, съ укороченіемъ веревки, безпрестанно уменьшается, такъ что ни одного мѣста не остается, по которому бы не ступила лошадь (*). Дойдя до конца лошадь поворачиваютъ на-

(*) Замѣчательно, что этотъ же способъ молотьбы употребляется въ Римѣ, и употреблялся во времена Гомера, по свидѣтельству Иліады. *Прим. Наб.*

другую сторону, и веревка развертываетсѧ тѣмъже порядкомъ. Молотьба производится довольно скоро, и притомъ тогда, когда въ лошадяхъ для другой работы не предстоитъ надобности, къ тому же такъ замѣняются многостоющія и сложныя машины, которыя вообще пшеницу плохо вымолачиваютъ. Лошадьми молотятъ въ Молдавіи, и даже въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ преимущественно изыскиваютъ легкія и простыя средства, не взирая на все пособіе механики.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ честность здѣшнихъ поселянъ и даже приходящихъ во множествѣ работниковъ. Разбою не слыхать; столь же рѣдко, чтобъ пропадалъ хлѣбъ съ поля: часто оставлены бываютъ, середи степи, повозки съ лошадьми или волами и никому въ голову не приходитъ ими воспользоваться. Конечно, одна изъ причинъ сего нравственнаго состоянія народа—безпрерывная дѣятельность и отсутствіе кабаковъ: человѣкъ, занятой и трезвый, съ ограниченными нуждами, и вообще богомольный, каковъ Русскій, рѣдко рѣшится на воровство.

Недостатокъ церквей, немалая причина ихъ горю, и самый худой ихъ отзывъ объ сей странѣ есть тотъ, «что колокольнаго звона не слыхать.» Иногда въ случаяхъ муропомазанія и погребенія, они прибѣгаютъ къ Нѣмецкимъ пасторамъ.

Съ помѣщиками у крестьянъ другой разсчетъ, нежели въ малоземельныхъ губерніяхъ; такъ какъ землѝ много, то помѣщики довольствуются однимъ хлѣбопашествомъ, и мало занимаются скотовод-

ствомъ; то сіе послѣднее, оставленное крестьянамъ, ихъ обогащаетъ значительно. Но когда помѣщики примутся и за эту отрасль хозяйства, столь же дѣятельно, какъ и за хлѣбопашество, то, вѣроятно, существующій порядокъ измѣнится и приметъ ходъ, болѣе правильный и справедливый. Впрочемъ и теперь есть исключенія.

Симъ легкимъ способомъ хлѣбопашества пользовались долго одни Нѣмцы, работая прилежно сами и нанимая многочисленныхъ батраковъ. Любопытно и жалко видѣть, середи сихъ Нѣмцевъ, весьма неловкихъ и неповоротливыхъ порознь, но понявшихъ трудную науку жить обществомъ какъ муравьи, Русскихъ работниковъ сильныхъ, бодрыхъ и расторопныхъ. Они стекаются сюда, со всѣхъ малоземельныхъ концевъ Россіи, съ топоромъ и серпомъ, прося хлѣба и работы за ничтожную плату. Превосходя умственными способностями и тѣлесными силами колонистовъ; отличаясь передъ ними смѣлою и ловкою поступью истинно царственной наружностью; весьма опередивъ ихъ смѣтливостью и соображеніемъ, они однакожь у нихъ въ услугахъ; работаютъ на нихъ усердно, и почитаютъ ихъ какимъ-то особеннымъ классомъ людей, которымъ позволено быть безнаказанно глупымъ. Они называютъ ихъ полупочтительнымъ, полу-насмѣшливымъ тономъ: «Г-да Нѣмцы.» Какая-же причина сего подобострастія и подчиненности? Нѣмцы образованнѣе и знаютъ грамоту.

Кромѣ сего многочисленнаго, но временнаго поселенія, которое приходитъ лѣтомъ и уходитъ въ концѣ осени, здѣсь уже много постоянно поселен-

ныхъ деревень. Нѣкоторыя казенныя, наполненныя переведенцами, и эти живутъ очень богато; большею же частію помѣщичьи. Многіе изъ помѣщиковъ этими переводами устроили свое состояніе; другіе, отъ дурнаго распоряженія сихъ переводовъ, иногда отъ стеченія несчастливыхъ обстоятельствъ, лишились половины переведенцевъ. Случалось, что худо выбирали землю, и вмѣсто обилія крестьяне встрѣчали неплодіе и нищету; отъ безводья или отъ дурной воды вымирала скотина; отъ худо построенныхъ избъ, иногда же отъ недостатка ихъ, во временно приготовленныхъ землянкахъ, въ здѣшнія суровыя зимы, люди впадали въ болѣзни, которыя, по недостатку медицинскихъ пособій, и отъ худой пищи превращались въ заразительныя, и оканчивались большою смертностью. Но такъ какъ всѣ неудобства эти частныя, а выгоды помѣщиковъ значительны, — то переводы ежегодно усиливаются.

Какъ у Нѣмцевъ такъ и у Русскихъ за Волгою, нечего искать мануфактурныхъ способностей; вѣроятно, онѣ есть такъ какъ и вездѣ, но обширность земли, доброта почвы, удобность сбыта обратили ихъ дѣятельность на земледѣліе и торговлю: два источника народнаго богатства, съ избыткомъ награждающіе людей, ими занимающихся.

Какъ Нѣмцы, такъ и Русскіе, особенно занимаются пшеницею яровою, съ небольшою разницею въ способѣ обработыванія земли. И тѣ и другіе снявъ 3 хлѣба съ нови, переходятъ на другое мѣсто. Нѣмцы употребляютъ Саксонскій двухколесный плугъ и парную фуру; Русскіе сохраняютъ

Малороссійскій плугъ и свою телегу: уборка и молотьба у обоихъ производится одинакими способами: наймомъ и лошадьми. Пшеница продается во всѣхъ Приволжскихъ пристаняхъ на барки, и отправляется большою частью на Сѣверъ, остальная потребляется на мѣстѣ и идетъ на Югъ.

Земля хорошо родитъ просо, но по затрудненію его передѣлывать, сѣютъ его немного.

Рожь, овесъ, гречиха родятся хуже всего и помѣщичьи крестьяне сѣютъ только для домашняго продовольствія.

Замѣчено, что лошади, приведенныя съ правой стороны Волги, не выдерживаютъ здѣшняго климата и потому предпочитаютъ имъ Киргизскихъ.

Рогатаго скота особенной породы нѣтъ; воловъ, по дешевизнѣ, предпочитаютъ Татарскихъ.

Овецъ разводятъ Калмыцкихъ, хотя ихъ шерсть никуда не годится, но по необыкновенному ихъ росту, много добывается мяса и сала. Нѣмцы дѣлали опыты разведенія мериносовъ, но не весьма удачно; можетъ быть, имъ попалась слабая Саксонская порода, или неумѣнье и нерадѣнье, но видимыхъ причинъ сей неудачи нѣтъ, тѣмъ болѣе, что на правой сторонѣ есть многочисленныя стада мериносовъ.

Нѣмцы живутъ опрятно и просторно, вѣроятно, потому что богаты; Русскіе сохраняютъ свои курныя избы и нечистоту; даже богатые изъ нихъ не исправляются отъ сихъ дурныхъ привычекъ.

Погостивъ на берегахъ Карамана и Мечетной подъ открытымъ небомъ; простясь съ поэтической

степью, гдѣ Русской бытъ развивался широко; посмотрѣвъ пристально на дѣятельность Русскаго, который, захватывая орлинымъ взглядомъ обширныя пространства, застраивалъ ихъ быстро Вятскими брусьями, я воротился въ Екатериненштадтъ, прозванный Рускими Баронскимъ: всѣ здѣшнія колоніи съ Нѣмецкими и Французскими названіями, — они перекрестили по своему.

Уборка уже кончалась, и дорога вилась ровная и гладкая, по многочисленнымъ гумнамъ, гдѣ середи скирдовъ и стоговъ Нѣмцы, расположась мирными лагерями, прилежно молотили свою пшеницу; въ каждой палаткѣ можно было найти кофе и трубку. На половинѣ дороги, низкое мѣсто позволило вырыть колодцы, съ весьма хорошей водою; и тутъ представилась точно патріархальная сцена. Тутъ тѣснились хохлы съ своими тяжелыми фурами и уставшими волами; купцы и извощики изъ Оренбурга здѣсь ночевали; Нѣмцы пригнали на водопой многочисленные табуны своихъ рослыхъ лошадей—и стада овецъ; Нѣмки вели своихъ коровъ, выведенныхъ изъ колоній на все время уборки въ степь. Все это волновалось, толпилось, но кротко, терпѣливо, снисходительно — около пяти колодцевъ съ журавцами: другой механики еще здѣсь не знаютъ. И не мудрено предсказать, что въ скоромъ времени въ семъ оврагѣ, привлеченные пятью струями воды поселятся люди — и составятъ центръ промышленности, торговли и образованности. Здѣсь природа не слишкомъ расточительна на дары свои, и потому ихъ дорого цѣнятъ — по пословицѣ: « Дорога милостыня во время скудости. »

Но точно-ли такъ мало воды въ этихъ обширныхъ степяхъ, какъ идетъ молва, и какъ сей параграфъ по видимому подразумѣваетъ? — И мало и много. Одинъ взглядъ на карту, взявши пространство отъ Самары до Саратова, по которому вьются рѣки: два Иргича, два Карамана, два Узеня, — доказываетъ, что воды не менѣе какъ и въ степяхъ Тамбовскихъ и Воронежскихъ. Прибавьте еще мелкія рѣки, въ нихъ впадающія, множество овраговъ, которые можно запрудить, низкихъ и болотистыхъ мѣстъ, которыя можно осушить, колодцы, во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ вырытые, — и тогда убѣдитесь, что не воды мало, но рукъ, населенія и искусства обращаться съ водою. Оба Карамана, большой и малый, которыхъ устья находятся въ Нѣмецкихъ колоніяхъ, перепруженные, покрываютъ поперечными каналами и рукавами пространство въ 60 верстъ — и движутъ до 20 мѣльницъ. Недостатокъ лѣса былъ бы чувствительнѣе безъ Вятскихъ брусьевъ и безъ употребленія кизяка.

При такихъ элементахъ богатства народнаго, край сей, по видимому, мало ими воспользовался: я говорю объ Русскихъ, ибо Нѣмцы почти ничего не упустили. Но такъ какъ тутъ дѣйствуетъ почти одна природа, трудъ человѣка мало, а умѣнье нисколько, — то непредвидѣнные случаи, которые впрочемъ часто случаются и не предвидятся только лѣнивыми, останавливаютъ развитіе сего богатства, отодвигаютъ его десятками лѣтъ назадъ и мгновенно пожираютъ и многолѣтніе труды и блестящее благосостояніе, и улыбающіяся надежды. Такъ недостатокъ дождя производитъ засуху

— и хлѣбъ, не находя пищи въ худо обработанной землѣ, погибаетъ; иногда хлѣбъ, произведенный съ избыткомъ на обширныхъ пространствахъ, не успѣваетъ быть убранъ, а убранный остается безъ цѣны. Въ сухой годъ пропадаютъ травы и безчисленное скотоводство гибнетъ отъ голода или отъ заразительныхъ болѣзней. Когда же противъ подобныхъ случайностей будутъ взяты мѣры, т. е. когда народъ будетъ столько же надѣяться на себя, сколько и на природу и удалитъ жадность и несчастную мысль: «собирать не сѣявши» до чего уже достигли сосѣди ихъ, Нѣмцы, то край сей удивитъ своимъ земледѣльческимъ богатствомъ Россію: ибо ни одинъ не имѣетъ столь обильныхъ способовъ къ произведенію и сбыту.

Говоря о степи Заволжской, не льзя не упомянуть объ одномъ изъ главныхъ источниковъ ея богатства: объ соли. Не буду разсуждать, составляло ли Эльтонское озеро дно морское или вершину горы: — для насъ это все равно; пусть этимъ занимаются Геологи, Вулканисты и Нептунисты. Намъ предстоитъ другое дѣло. Эльтонское озеро производитъ соли столько, сколько потребуется; затрудненіе не въ матеріалѣ, но въ работѣ и цѣнѣ. Казна продажу соли предоставила себѣ и симъ способомъ пополняетъ одну изъ отраслей государственнаго дохода; соль можно получать изъ магазиновъ приволжскихъ по 1 руб. 20 коп., а при самомъ озерѣ по 80 к. Но какъ соль есть потребность всеобщая, довольно опредѣленная для людей, —но весьма неограниченная для скотоводства,—то позволено думать, что ежели-бы продажа соли про-

изводилась у самаго озера и гораздо дешевле, — а устройство магазиновъ уничтожитъ, — то кромѣ неисчислимой пользы скотоводству и земледѣлію, сама казна пріобрѣла бы значительныя выгоды: 1) Она бы избавилась расходовъ на магазины и перевозку соли изъ озера въ магазины, изъ магазиновъ на правый берегъ рѣки. 2) На продаваемомъ количествѣ, она выручила бы потерю на цѣнѣ — а вѣроятно и съ излишкомъ.

Польза-же, приносимая земледѣлію, неподвержена никакому сомнѣнію: въ овцахъ предупреждаются солью почти всѣ болѣзни; коровы прибавляютъ видимо молока и — хохлацкіе волы, которымъ соли не жалѣютъ, ибо они составляютъ единственное богатство хохла, гораздо бодрѣе и крѣпче крестьянскихъ, — весьма часто подверженныхъ повальнымъ болѣзнямъ. Колонисты, въ своихъ земледѣльческихъ работахъ, предпочитаютъ лошадей, ибо солью кормить вола дорого, а безъ соли они ненадежны.

Отъ Саратова до Сарепты мы ѣхали быстро, Нѣмецкими колоніями, то подъѣзжая къ Волгѣ, то придерживаясь береговъ Иловли. Проѣхали, неостанавливаясь, Камышинъ и Царицынъ: — наружность бѣдная. Въ послѣднемъ городѣ пожалѣлъ, что не могъ видѣть каршуза и палки Петра I-го съ характеристической надписью: «Бейте ею непріятелей, какъ я билъ пріятелей.» *Дубовка* большое село, образованное торговлею, которая проложила здѣсь свой широкій и благотворный путь; Волга, изогнувшись дугою, близко подошла къ Дону, и Качалинская пристань на сей послѣдней рѣкѣ въ 60-ти верстахъ отъ Дубовки. Множество барокъ съ Архангельски-

ми, Сибирскими и Каспійскими товарами стояло на ея пристани, грузясь и выгружаясь; множество фуръ и телегъ, запряженныхъ волами и лошадьми; еще болѣе хохловъ, калмыковъ, казаковъ и пр., многочисленныхъ подданныхъ обширной Русской Имперіи, — волокомъ перетаскивали разнородные товары изъ Волги въ Донъ, гдѣ на Качалинской повторялась таже суета, — и обратно.—Довольно высокій кряжъ раздѣляетъ обѣ рѣки и затрудняетъ ихъ сообщеніе посредствомъ канала, проэктированнаго всѣми предпріимчивыми и трудолюбивыми вѣнценосцами, начиная отъ Селима до Николая; промежутокъ занятъ Петромъ I-мъ и Екатериною II-ю. Такъ выгоды сего канала и ничтожность пространства бросаются въ глаза. Недавно за него принялись горячо; работы производятся, — но онъ еще не конченъ: не ужели на семъ каналѣ лежитъ печать отверженія или онъ заколдованъ? — Нѣкоторые сомнѣваются въ возможности его провесть; другіе рѣшительно отвергаютъ пользу всякаго искуственнаго сообщенія въ семъ мѣстѣ. Они основываютъ свои доказательства на дешевизнѣ гужеваго сообщенія какъ зимою, когда каналы замерзаютъ, на саняхъ, такъ лѣтомъ на волахъ, которыхъ по справедливости можно назвать «ладьями степи,» ибо верблюдъ уже прозванъ «кораблемъ пустыни!» Мнѣніе это могло-бы показаться правдоподобнымъ не иначе, какъ по точнымъ смѣтамъ потребныхъ на каналъ и его содержаніе суммъ, вѣрному исчисленію дохода, который онъ приносить можетъ — и по разрѣшенію новаго вопроса: «Каналъ, удовлетворяя настоящимъ требованіямъ торговли и промышленности, не распространитъ ли собою

кругъ дѣятельности какъ той такъ и другой?» Положимъ даже, что всѣ эти вопросы разрѣшаются противъ канала, — то и тогда можно еще отвѣчать: что дешевизна сообщеній есть вещь временная и непостоянная: можетъ быть и не быть, —ибо зависитъ отъ цѣны хлѣба, отъ повальной болѣзни на скотъ и пр. случайностей, которыя наносятъ смертельный вредъ торговлѣ. Во всѣхъ случаяхъ, дешевизна сообщеній гужемъ есть бѣдствіе: —ибо доказываетъ тоже, что и дешевизна хлѣба и всѣхъ первородныхъ произведеній, бѣдность крестьянина: трудъ самый тяжкій, трудъ земледѣльца, недостаточно вознагражденъ.

Споръ продолжается, каналъ еще не сдѣланъ, — а уже возникъ новый вопросъ: «Не льзя ли замѣнить каналъ, другаго рода искусственнымъ сообщеніемъ, которое бы было гораздо дешевле и удобнѣе?» десять лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ мужей Россіи, и котораго преждевременную кончину справедливо оплакиваютъ, Сенаторъ В Ю. Соймоновъ, объ этомъ думалъ и составилъ проэктъ чугунной дороги, доказывая въ семъ мѣстѣ ея превосходство предъ каналомъ. Онъ умеръ, проэктъ забыли, а объ чугунныхъ дорогахъ заговорили вновь тогда только, когда въ Англіи уже ихъ бросаютъ: онѣ значительно утратили свою важность съ тѣхъ поръ, какъ паровыя кареты ходятъ по обыкновеннымъ шоссе. Не знаю, почему не примѣнить сего послѣдняго способа, паровъ и шоссе, для сообщенія Волги съ Дономъ.

Нѣкоторые филантропы повторяютъ жалостли-

во: «Что сдѣлается съ несчастными извощиками, которые, упрашивъ свою промышленность, умрутъ съ голоду?» — Успокойтесь: въ Россіи, особенно на Волгѣ, люди съ руками и доброй волею, съ голоду не умираютъ, а другихъ еще кормятъ. Это же вѣчное возраженіе противъ всякаго усовершенствованія, противъ всякой машины, облегчающей трудъ человѣка, которое громко повторяется во Франціи и Англіи, ни сколько, по счастью, не останавливая промышленнаго ходу ни той ни другой, это возраженіе могло быть оригинально только при изобрѣтеніи телеги, какъ первой изъ машинъ! — По дорогѣ отъ Москвы въ Петербургъ нѣкогда благоденствовали кузнецы: — ибо изломавшійся на первой станціи экипажъ, на всѣхъ послѣдующихъ ломался: таковъ былъ и уговоръ и обычай. Шоссе и дилижансы совершенно уничтожили сего новаго рода промышленность: бѣдные кузнецы!

Тѣмъ же, которые говорятъ о невозможности въ Русскомъ царствѣ, мы укажемъ на Русскія знамена въ Эриванѣ, Царь-градѣ, Парижѣ; на Телушкина на Петропавловскомъ шпицѣ; на Брюлова картину въ Италіи; на гранитное подножіе Петра — и на колонну Александра!

Въ Дубовкѣ старинный каменный Соборъ, каменный магазинъ для товаровъ и довольно опрятные домы; жители Казаки.

Мнѣ сказывали, что малыя суда лѣтомъ ставятъ на катки, а зимою на полозья, шянутъ волами, а при попутномъ вѣтрѣ поднимаютъ парусъ. По чести, изобрѣтеніе сего способа путешествія, «по суху аки по морю» — принадлежитъ Олегу.

Сарепта небольшое общество Моравскихъ братьевъ, Гернгутеровъ. Подвигнутые духомъ христіанства, они оставили цвѣтущіе холмы образованной Германіи — и пришли на берега Волги. Здѣсь нашли они пустыню безлюдную, землю безплодную, климатъ суровый, народъ дикій и свирѣпый, поклоняющійся идоламъ; вспрѣтили труды и опасности, и поселились въ двухъ верстахъ отъ Волги, на берегахъ болотистой рѣчки Сарпы: въ этомъ Татарскомъ названіи они нашли сходство съ Сарептою, объ которой упоминается въ Евангеліи. Вотъ духовная причина избранія сего мѣста и сего названія. — Въ началѣ они укрѣпились валомъ, рвомъ и пушками, и дѣятельно занимались распространеніемъ Христіанскаго ученія въ сосѣднихъ Киргизскихъ и Калмыцкихъ Улусахъ, которые не рѣдко тревожили ихъ своими набѣгами.

Духъ секты Гернгутеровъ не отвергаетъ благъ земныхъ, и они озаботились временнымъ благосостояніемъ. По невозможности приняться за земледѣліе на безплодной песчаной почвѣ, и окруженные непріятелями, они вдались въ промышленность и торговлю.

Малыя ихъ средства были сосредоточены общиною, усилены духомъ кротости, порядка и образованности, вспомоществуемы благопріятными обстоятельствами политическими: ибо Россія въ сіе короткое время усмирила кочующія орды подвластныхъ ей народовъ и быстро распространила свое гражданское образованіе. Все это вмѣстѣ, особенно сохраненіе ихъ правъ, развернуло въ Сарептѣ всѣ элементы гражданскаго благосостоянія.

Сарепта въ теперешнемъ своемъ видѣ: съ прекрасными домами, шоссе, фонтанами, садами; съ Европейской промышленностью и образованностью; съ Евангельской кротостью, добродушіемъ и терпѣніемъ; съ философическо-религіознымъ направленіемъ жизни народной, середи Калмыцкихъ степей, радуетъ взоръ и умъ, какъ нежданное явленіе; какъ оазисъ въ Ливійской пустыни; какъ привѣтливый огонекъ въ осеннюю ночь; какъ строки П...а въ Б. д. Ч. — Гдѣ найти лучшее доказательство, что просвѣщеніе въ народѣ можетъ быть соединено съ нравственными достоинствами?

Прежде браки ихъ были по жеребью; но въ послѣдствіи, сей обычай, основанный на слишкомъ отвлеченныхъ понятіяхъ о Евангельскомъ равенствѣ всѣхъ брашій, былъ отмѣненъ. Они женятся между собою, но по выбору и обоюдному согласію — что̀ гораздо сообразнѣе съ привычками и понятіями нашего вѣка о нравственной свободѣ людей. Воспитаніе же дѣтей у нихъ общественное и не льзя не похвалить сего порядка вещей; особенно тамъ, гдѣ цѣлый городъ составляетъ одинъ домъ: движется одними выгодами, управляется одинаковыми правилами и одушевленъ однимъ духомъ. Все общество растетъ, наслѣдуя понятія отцевъ, которыя можно улучшить, усовершенствовать, но не откинуть съ презрѣніемъ; и передать ихъ потомкамъ съ увѣренностью, что чувство благодарности соединитъ нѣкогда дѣдовъ съ внуками въ мірѣ лучшемъ! — Фабрики, магазины, сады у нихъ также общественные; трудъ и умѣнье каждаго сливаются въ общую массу, и частное улучшеніе

благосостоянія проистекаетъ отъ умноженія всеобщаго богатства. Симъ простымъ и легкимъ средствомъ — сколько причинъ раздоровъ, нарушающихъ спокойствіе нашихъ обществъ, отстранено: нѣтъ мотовства, нѣтъ роскоши, а съ ними чванства и тщеславія; нѣтъ причинъ предпріимчивому желать чужаго, а осторожному дрожать за свое. Женихи и невѣсты, повинуясь пріятнѣйшему закону природы, не останавливаются разсчетами корыстолюбія, часто скрывающагося подъ личиною свѣтской мудрости. Родители не бременятся плодородіемъ подругъ, но, подобно патріархамъ Писанія, съ умиленіемъ благодарятъ Бога за грядущее утѣшеніе ихъ старости: дѣти въ свою очередь благословляютъ долголѣтіе отцевъ. Сколько вражды и злобы предупреждено; сколько благъ посѣяно человѣкомъ, который нашелъ способъ истребить въ обществѣ даже названія богача и нищаго, уничтоживъ роковое: твое, мое; въ Сарептѣ все наше! Какою мудростью былъ одѣленъ мужъ, прочитавшій сей простой законъ въ обширной книгѣ природы; какъ онъ зналъ человѣка съ его слабостями, страстями, особенно когда онъ одинокъ, и его силу въ обществѣ, которое устремлено на благо. Все это ученіе и гражданское образованіе, Гернгутеры почерпнули въ Евангеліи, какъ въ источникѣ всѣхъ истинъ, облегчающихъ крестъ человѣка на землѣ и ведущихъ его улучшеннаго въ лоно Предвѣчнаго!

Мысль дружелюбія и трудолюбія разливаетъ важное спокойствіе на черты всѣхъ членовъ сего семейства. Благоразумная дѣятельность распоряжаетъ всѣми работами: наружность городка ды-

шишъ образованностью и довольствомъ; удобство, пріютъ, чистота — вездѣ; роскоши и блеску — нигдѣ.

Улицы шоссе обведены тротуарами и каналами; обсажены деревьями, которыхъ разведеніе, по сухости глинистой почвы, стоило невѣроятныхъ усилій и издержекъ: но зеленѣющіе тополи у дверей дома, гдѣ поставлены лавочки, напоминаютъ счастливую Германію — и Нѣмцы добились этого сходства

Домы во вкусѣ Англійскихъ фермеровъ, двухэтажные, съ кухнею; подъѣздъ съ улицы. Внутри и снаружи выштукатурены — и крыты тесомъ или желѣзомъ.

Домъ молитвы, съ часами на маленькой башенкѣ, вмѣсто украшенія; готовились къ празднику и накрыты были столы съ чаемъ, кофе и печеньями. Дѣти обоего пола были уже въ сборѣ; они тутъ-же и воспитываются, или, лучше сказать, начинаютъ свое воспитаніе, т: е: мущины; оканчиваютъ же его въ Петербургѣ, а нѣкоторые въ Германіи. Не говорю объ нѣкоторыхъ, составившихъ себѣ имя въ ученомъ свѣтѣ, ибо они служатъ исключеніемъ, но вообще Химія и Механика у нихъ процвѣтаютъ: чѣмъ и поясняются ихъ постоянные успѣхи во всѣхъ мануфактурныхъ произведеніяхъ Сарепты. Табакъ, горчица, пряники, бумажныя и шерстяныя издѣлія, часы, земледѣльческія орудія и машины — расходятся въ большомъ количествѣ — по Волгѣ и Дону — и сосредоточиваютъ въ ихъ рукахъ значительные капиталы, избытокъ кото-

рыхъ удѣляютъ нуждающимся братіямъ. И сами, послѣ ужаснаго пожара почти истребившаго Сарепту и котораго слѣды еще не изглажены, получили пособіе изъ Германіи. Оттуда же присылаются имъ нужные мастера, особенно красильщики, и даже самые старшины пріѣзжаютъ къ нимъ изъ стараго, но еще любезнаго имъ отечества.

Большихъ трудовъ стоило имъ развести сады но они увѣнчались успѣхомъ: ибо достигли уже до того, что имѣютъ свой виноградъ, яблоки, груши, и Грецкіе орѣхи лучшихъ сортовъ.

Хотя имѣютъ они водяную мельницу, — но всю воду своихъ фонтановъ и колодцевъ — и даже для поливанья садовъ, — провели изъ горъ трубами. Въ небольшомъ лѣскѣ, нѣсколько родниковъ, нечастыхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, обдѣланы тщательно, — и благодаря сей заботливости, они не нуждаются въ хорошей водѣ. И въ лѣтній зной часто отдыхаютъ Калмыки съ своими верблюдами на берегу бассейна, осѣненнаго деревьями ихъ сквора.

Минеральный ключъ нѣкогда привлекалъ къ нимъ посѣтителей изъ Россіи; но облегченныя сообщенія съ Кавказомъ привели его въ забвеніе. Сами колонисты ѣздятъ теперь въ Пятигорскъ, Калмыцкою степью: проѣздъ безопасный, но скудный: ибо даже водою должны запасаться.

Какъ будто для противоположности съ симъ отрывкомъ Англіи, Сарепта окружена Калмыцкимъ лагеремъ; ихъ умѣли привлечь и съ пользою употребляютъ за весьма умѣренную плату во всякія работы.

На обширномъ песчаномъ полѣ разбросаны были многочисленныя Калмыцкія юрты. Эти круглыя, коническія, драничныя клѣтки, укутанныя коровьими войлоками и камышевыми рогожами, — укрываютъ цѣлыя семейства сихъ чадъ степей потомковъ Аттилы, и отъ палящаго лѣтняго зноя и отъ суровости продолжительныхъ зимъ. Табуны верблюдовъ и лошадей, стада коровъ, овецъ и козъ, не имѣющихъ другаго крова кромѣ неба, сопутствуютъ имъ по обширнымъ степямъ между Волгою, Дономъ и Каспійскимъ моремъ лежащими. Лѣтомъ стада питаются бурьяномъ, жесткимъ ковыльнымъ сѣномъ; а зимою подснѣжной травою. Торгъ симъ скотомъ составляетъ единственную промышленность богачей; бѣдняки же нанимаются въ пастухи къ колонистамъ. Почти всѣ гребцы по низовой Волгѣ Калмыки. Посреди юрты, около котла, стоящаго на кизяковомъ огнѣ, собирается вся семья: мущины и женщины въ длинныхъ рубашкахъ; послѣднія отличаются только косами на головѣ: и тѣ и другія съ трубками въ зубахъ.. Множество ребятъ обоего пола, нагишомъ, бронзоваго цвѣта, съ ощипанными волосами, съ черными яркими глазами, на цыпочкахъ какъ Индѣйскіе идолы, съ нетерпѣніемъ, но въ молчаніи ожидаютъ скуднаго обѣда.

Физіогномія Калмыковъ живая и умная; лицо плоское, скулы выдавшіяся, цвѣтъ смуглый, носъ широкій и раздавленый, глаза узкіе, черные и къ вискамъ вздернутые; вообще они лапоухи; волосы у нихъ черные, жесткіе, лоснящіеся и прямые. На своихъ маленькихъ, но неутомимыхъ лошадяхъ —

ловки и смѣлы. Въ домашнемъ быту кротки, добры и тихи; въ работѣ прилежны и смѣтливы.

Постоянныхъ жилищъ не терпятъ, предпочитая имъ свою кочевую жизнь въ юртахъ, гдѣ лишенные всего нужнаго, часто необходимаго, безъ всякаго понятія объ удобностяхъ гражданственности и общественной жизни, мрутъ они тысячами, отъ холоду, голоду, болѣзней, — особенно оспы, истребляющей въ нихъ даже чувство человѣчества: ибо они заболѣвшаго сею болѣзнію оставляютъ одного въ степи, въ кожаной колыбели, повѣшенной на четырехъ кольяхъ, на произволъ не судьбы, но вѣрной мучительной смерти, и откочевываютъ подалѣе; таковы природные карантины! Легко себѣ вообразить, сколько ихъ истребила холера.

Раболѣпно покорствуютъ они своимъ Князькамъ, которыхъ называютъ бѣлою костью, а себя черной, и эти аристократы степей грабятъ ихъ безпощадно, отнимаютъ у нихъ даже дѣтей; еще не совсѣмъ истребилась продажа ихъ самими родителями, которые вообще чадолюбивы: но столь велика бываетъ ихъ нужда.

Вмѣсто отдыха знаютъ одно лѣнивое бездѣйствіе; и всѣ радости заключаются въ водкѣ и трубкѣ; и всѣ утѣшенія въ странныхъ религіозныхъ понятіяхъ, почерпнутыхъ ими и изъ Индѣйскаго идолопоклонства, и изъ Магометанства вмѣстѣ съ Христіанствомъ: своихъ священниковъ получаютъ отъ Далай-Ламы и весьма ихъ уважаютъ.

Довольно искусно работаютъ рогожи изъ камыша; впрочемъ ни о какомъ рукодѣліи понятія не

имѣютъ. Самыхъ необходимыхъ орудій, какъ то: топора и косы, не знаютъ и знать не стараются.

Совсѣмъ тѣмъ ни цѣпь бѣдствій, ими безпрестанно и всюду влачимая, ни всегдашній видъ образованности и обилія у нихъ передъ глазами, ни усилія Нѣмецкихъ миссіонеровъ сколько нибудь просвѣтишь ихъ посредствомъ христіанства, — не имѣютъ никакого вліянія на составъ сего страннаго народа, который, давно пришедъ изъ дальнихъ предѣловъ горной Азіи, не измѣнилъ ни нрава, ни обычаевъ своихъ предковъ, при 30^{0}_{0} мороза — и въ сосѣдствѣ каменныхъ палатъ. — Впрочемъ у Калмыковъ съ Гернгутерами есть сходство въ одномъ: у послѣднихъ собственность принадлежитъ всѣмъ, а у Калмыковъ никому.

Въ Сарептѣ запаслись термометрами и сухарями — и отправились далѣе.

Енотаевскъ. Дорога не отходитъ отъ Волги; по правому берегу довольно частыя станицы казаковъ, торгующія рыбою и извозомъ: ибо, кромѣ бахчи, земля не производитъ никакого хлѣба; но скотоводство многочисленное. Лошади на станціяхъ хорошія; ихъ покупаютъ весьма дешево въ Калмыцкой степи.

Всего лучше сѣсть въ Енотаевскѣ на досчаникъ и спуститься къ Астрахани; при попутномъ вѣтрѣ это дѣло 6 часовъ; во всякомъ случаѣ теченіе быстро и задержекъ не бываетъ: стоитъ это совсѣми ея экипажами (у насъ ихъ два) не дороже 50-ти рублей. Мы этого не сдѣлали и раскаялись.

Тощая доселѣ, блѣдно зеленоватая степь, превратилась въ вертячій песокъ, огромными подвижными буграми, своенравною Волгою насыпанный. Ихъ неровные горячіе хребты, какъ поверхность самой рѣки, легкой рябью подернутые, не сохраняютъ ни какого слѣда, не только дороги; однѣ полуистлѣвшія версты намъ объ ней напоминали. Жаръ, зной, духота; облака мошкары и комаровъ; колеса вязнутъ по ступицу; лошади въ мылѣ, тянутъ съ усиліемъ и безпрестанно останавливаются; равнодушіе извощиковъ; безплодіе окрестностей погружаетъ въ отчаяніе; и самый видъ, широкой, величественной, жизнедательной Волги, съ зелеными островами, съ противуположнымъ берегомъ, опушеннымъ кустарникомъ, насъ не радовалъ. Мы едва замѣтили (на лѣвомъ берегу рѣки) новое жилище Калмыцкаго Кн. Тюменя, бѣлую мечеть, со всей Европейской роскошью выстроенную. Съ завистью, раскаяньемъ, или досадою худаго расчета, смотрѣли мы на окрыленныя суда, несомыя теченіемъ, и попутнымъ вѣтромъ, быстро гонимыя къ вожделенной Астрахани.

Послѣдняя станція на самомъ перевозѣ противъ города, котораго видомъ, напоминающимъ Московскій Кремль, мы полюбовались. Тутъ переночевавъ, на другой день по утру, переправились на досчаникѣ, управляемомъ Калмыками: широкой разливъ Волги далъ способъ причалить къ самому городу. Остановились въ заѣзжемъ домѣ, весьма порядочномъ; но съѣстнаго трактира въ цѣлой Астрахани не находится.

Астрахань окружена со всѣхъ сторонъ Волгою и

рукавомъ съ Кутумомъ ; по срединѣ разрѣзывается широкимъ каналомъ, начатымъ Петромъ I — и оконченнымъ Греческимъ купцомъ Варваціемъ , который далъ каналу свое имя и оставилъ значительную сумму на его содержаніе.

Извѣстно , что нынѣшняя Астрахань не на томъ мѣстѣ , гдѣ была Татарская , взятая Грознымъ : сей послѣдней и слѣдовъ не отыщутъ. Слѣдовательно древностей нѣтъ ; Кремль , величественный соборъ и нѣкоторые монастыри построены Царями. Хоротъ гостиный дворъ — и нѣсколько казенныхъ зданій ; частные домы вообще деревянные и бѣдные ; улицы неопрятныя. Много церквей ; въ томъ числѣ : Армянскія церкви , Турецкія мечети — и Индѣйская погода. Городъ обширенъ и многолюденъ : — ибо собралъ почти все народонаселеніе Астраханской губерніи.

На верфи стояли казенные параходы для Волги и Каспійскаго моря : послѣдній во 100 силъ. Купцы построили два для себя, которые ходятъ съ товаромъ на Нижегородскую ярмарку. Топятъ ихъ каменнымъ углемъ изъ Бахмута , который идетъ черезъ Качалинскую станицу на Волгу.

Морское училище и Гимназія по-немногу устраиваются ; общества , кромѣ небольшаго числа чиновниковъ, нѣтъ : со всѣмъ тѣмъ заведенъ театръ.

Домъ Армянскаго Архіерея, образованнаго и умнаго Серапіэ , одинъ изъ пріятнѣйшихъ.

Изъ всего этого заключить можно , что житье

довольно скучное, особенно съ здѣшнимъ климатомъ, гдѣ зима въ $20^{\circ}_{\circ}$, а лѣто знойное.

Волга выступаешъ изъ береговъ поздно и вбирается не прежде половины Іюля; тутъ городъ подверженъ всѣмъ зловоннымъ испареніямъ окрестныхъ болотъ и камышей, зарождающимъ тучи мошекъ и комаровъ.

Въ жизненныхъ припасахъ большой недостатокъ: не взирая на Волгу и море, хорошей рыбы имѣть трудно, кромѣ красной; ибо всѣ заняты одной этой ловлею. Овощей почти никакихъ; однѣ дыни и арбузы превосходны. Говядины хорошей не знаютъ; телятина скверная; живности мало; молоко дурное; баранина порядочная.

Виномъ торгуютъ Рускіе — и въ погребахъ все поддѣлано и перепорчено. Лѣсъ строевой дешевъ, ибо сплавляется по Волгѣ; но дрова по 12 руб. саженъ. Курсъ Петербургскій.

Растительность самая бѣдная: раины тощи; ветлы слабыя; абрикосы и персики мелкіе; виноградъ пріятенъ для вкуса, но неспособенъ на вино. — Астрахань процвѣтала торговлей, но съ упадкомъ сей послѣдней, вся наружность города носитъ печать унынія. Домы ветхи и не поправляются; многіе безъ оконъ и крытъ. Разговоры жителей не опровергаютъ сего заключенія: вся торговля Каспійская, по открытіи транзита и порто-франко въ Грузіи, обратилась на Тифлисъ; Московскіе товары съ Саратова поворачиваютъ туда-же. Къ тому-же вообще требованія на Пер-

сидскія ткани, съ усовершенствованія нашихъ фабрикъ, почти прекратились; лучшая термалама работается въ Петербургѣ и продается дешевле Азіатской. Терно шали съ успѣхомъ замѣнили Персидскія; шелкъ свой добывается въ Грузіи.

Нашихъ издѣлій безъ мѣны не принимаютъ: ибо Персія драгоцѣнными металлами небогата, — и пѣ, безъ системы бумажныхъ денегъ, весьма нужны для внутреннихъ оборотовъ.

Съ уничтоженіемъ Астраханскаго банка, который запуталъ многіе торговые домы и обанкрушилъ другіе, изсякли послѣднія пособія. Ей остается одна рыбная торговля, еще довольно богатая, но уже недостаточная послѣ обширныхъ ея сношеній съ цѣлой Азіей.

Къ симъ внутреннимъ бѣдствіямъ должно присовокупить несчастные случаи холеры въ Россіи и чумы въ Персіи, довершившихъ разрушеніе Астраханской торговли. Не должно опустить безъ вниманія и неустройства всѣхъ родовъ, которыхъ несчастная Астрахань была вѣчной жертвою.

Осматривалъ соборъ похожій на Рязанскій. Лѣстница широкая, открытая, въ Италіанскомъ вкусѣ; обводная галлерея нижняго яруса, съ висячими ключами сводовъ, поддерживаетъ обширную террасу. Въ иконостасѣ болѣе 150 образовъ, въ ростъ человѣческій, и богатая рѣзьба и позолота. Серебряныя, чеканныя царскія врата съ хорошей живописью.

Съ Академическимъ варварствомъ, къ древнему собору — пристикнули колоколенку, чистенько от-

работанную, съ колонцами, съ пиласшракими, съ купольцемъ, въ половину ниже собора, — къ которому пришили ее какой-то аркадной кишкою, додѣланной драницами. На всѣхъ выставкахъ и экзаменахъ ученики низшихъ классовъ — всѣ свои медали получили конечно за подобныя классическія созданія. — Одинъ бокъ собора застроенъ сараемъ; другой соединяется съ Архіерейскимъ дворцомъ. Къ лѣстницѣ примкнуто возвышенное лобное мѣсто, на которомъ въ старину производились казни, а теперь стоятъ солнечные часы, затѣняемые соборомъ. Въ промежуткахъ зданій мелькаешъ Волга, покрытая судами.

Выѣхали изъ Астрахани на Кизляръ. Дорога паралельна съ Каспійскимъ берегомъ, но моря однакожь не видать. Заливы Волги еще не спустили весенней воды; объѣзды кой-гдѣ, но небольшіе. До самой Кумы песчаная степь, обишаемая зайцами, сайгаками, стрепетами, драхвами; колпицы, лебеди, пеликаны, утки, гуси по заливамъ. Рѣдкія станціи; скверныя лошади и полудикіе калмыки за ямщиковъ. Волжская вода заливовъ лишала эту степь ея настоящаго виду; но на обратномъ пути показалась она мнѣ во всемъ ея ужасѣ — и я намѣчу здѣсь мысли, мнѣ внушенныя. Опять песчаная степь, но лишенная воды Волжскихъ заливовъ. Сыпучій, раскаленный песокъ волнуется какъ море; Сѣверный вѣтръ ничѣмъ ни задержанный, своевольный, порывистый, крутясь въ вихряхъ, сбиваешъ крыломъ своимъ острыя вершины песчаныхъ валовъ.

Каспійское море съ своими зазубренными берегами и вдовое торговлей; небо однообразное своими

звѣздными пучинами; необозримая песчаная степь безъ кусточка, безъ ручья, безъ травы, безъ тѣни, безъ слѣда человѣческаго, легко заносимаго вѣтромъ: унынiемъ поражало душу это стеченiе трехъ пустынь, равно пустынныхъ, грустныхъ и безнадежныхъ.

Лошади становились; экипажи вязли; Калмыки, служители, мы сами, погоняя лошадей и выгребая изъ подъ колесъ песокъ шапками, выбились изъ силъ; облака пыли, мошекъ и комаровъ набиваясь въ ротъ, носъ и глаза, истощили послѣднее терпѣнiе: станцiю въ 9 верстъ ѣхали 11 часовъ!

Въ одномъ мѣстѣ переѣхали ночью заливъ въ бродъ; дикiй крикъ безобразнаго Калмыка, погоняющаго лошадей, испугалъ стадо гусей. Они поднялись тучей и, носясь долго надъ головами, оглашали насъ пронзительнымъ визгомъ. Однажды пролетѣла надъ нами многочисленная стая пеликановъ.

Станцiя единственный признакъ образованности въ сихъ мѣстахъ. Образованность на станцiи! Деревянный домикъ, камышемъ крытый, съ разбитыми стеклами, съ покороблennымъ поломъ; смотритель 14 класса, въ мундирномъ сюртукѣ, книги за печатью и грубые ямщики. Даже вешлы кругомъ не принимаются!

Около сей точки тѣснятся Калмыцкiя кибитки, съ стадами козъ, воловъ и верблюдовъ, которыхъ столь живописно и справедливо востокъ назвалъ кораблями пустыни!

Всѣ люди и прочiя животныя кажутся временными и неумѣстными гостями сихъ безплодныхъ

мѣстъ. Одинъ верблюдъ, цвѣтомъ шерсти и горбатой спиною похожій на песчанный холмъ, пьетъ гнилую воду безвредно и запасается ею надолго, съ жадностью пожираетъ колючій кустарникъ, отвергаемый другими животными, переноситъ равно и жаръ и холодъ, быстро переходитъ изъ мѣста въ мѣсто, пожирая пространство; безобразный, кроткій, сильный,—слуга покорный Калмыку сполько-же безобразному, котораго онъ весь домъ и семейство уноситъ на спинѣ, — одинъ верблюдъ здѣсь царствуетъ и гармонируешъ съ дикой пустыней, которую онъ собою связуетъ съ человѣкомъ!

Лошади и волы здѣсь тощи; собаки забываютъ лаять, ибо ради постороннимъ: люди угрюмы и суровы!

Въ Одессѣ пересыпь укрѣпили сѣяніемъ красной лозы: почему бы на здѣшнихъ пескахъ не попробовать тогоже? также посѣять сосну и пихту, которыя любятъ песчаныя почвы! Почему бы?... да нѣкому и не для кого!

За Кумою, медленно высохшей межь тростниковъ и пропадающей не доходя моря въ болотахъ, степь оживляется блѣдной, тощей зеленью; у одной станціи два дерева; плоскія лица Калмыковъ смѣняются величественнымъ обликомъ Ногайцевъ, съ Грузинскими черными глазами и Римскимъ носомъ.

Не заѣзжая въ Кизляръ, повернули въ верхъ по Тереку, быстро бѣгущему по злачной равнинѣ; онъ выходитъ изъ Кавказскаго хребта, и нѣсколькими рукавами впадаетъ въ Каспійское море; Кубань, вливается въ Черное. Обѣ рѣки выходя почти изъ од-

ной горы, текутъ совершено въ противуположномъ направленіи такъ, что обѣ составляютъ прямую линію, отрѣзывающую цѣпь Кавказскихъ горъ отъ степей; вѣроятно, ихъ русло можетъ со временемъ превратиться въ каналъ, который соединитъ оба моря.

Степь плодородная, засѣяна пшеницею и арбузами; послѣдними славенъ Науръ. Вдаль рѣки частый кустарникъ, остатокъ лѣсовъ, выведенныхъ Русскими: ибо служили убѣжищемъ и засадою хищнымъ Черкесамъ, которые даже теперь, переправясь ночью черезъ быстрый Терекъ, на утломъ пнѣ съ лошадью въ поводу и вплавь, нападаютъ на оплошныхъ пушниковъ и отгоняютъ скотъ. Дорога по многочисленнымъ и многолюднымъ станицамъ линейныхъ Казаковъ. Деревни похожи неопрятностію на наши степныя; мало деревьевъ, что̀ ихъ очень оголяетъ. Казаки гигантскаго роста, отличнаго мужества, въ одеждѣ Горцевъ: чекмень съ патронами, мѣховая шапка, ружье, кинжалъ и шашка. Кони добрые: отъ Моздока до Георгіевска, почти 120 верстъ, поставили въ 8 часовъ.

Проѣхали крѣпости: Науръ, Екатериндаръ, Моздокъ т: е: скверные городишки, населенные Армянами и обнесенные аршиннымъ рвомъ и такимъ-же валомъ какъ наши гумны. Вѣроятно, противъ Черкесовъ достаточно.

Ночью путешественниковъ не пускаютъ иначе какъ съ конвоемъ; днемъ же никакой опасности нѣтъ.

Егорьевскъ, изъ здѣшнихъ городовъ и крѣпостей,

лучшій и сколько нибудь на крѣпость похожій. Порядочный трактиръ, въ которомъ мы ночевали и нашли хорошее Горское, подъ названьемъ *Сербинскаго или Атаманскаго*. И утромъ, взявъ конвой, поѣхали въ Пятигорскъ—цѣль нашего путешествія, и до котораго только 3 часа ѣзды, хотя считается 40 верстъ. Еще издали взорамъ нашимъ представилась отдѣльная купа горъ, безпорядочно по обширной равнинѣ разбросанной; берегъ вьющагося вправо по камнямъ Подкумка живописенъ; долины покрыты роскошнымъ произрастеніемъ; въ ущельяхъ колоніи кротких Шотландцевъ; далѣе обнаженные аулы Черкесовъ, горюющихъ о потерѣ сихъ богатыхъ пажитей, сихъ благословенныхъ водъ. У подножья горъ соленыя озера, блестящія снѣжной бѣлизною кристалловъ; по горамъ частый кустарникъ, остатокъ огромныхъ лѣсовъ, откуда выглядываютъ и прячутся то быстрая серна, то желтоватый олень. Горы средней виличины: вершины однихъ, голыя скалы, безобразно раздвоенныя и растроенныя какъ Бештау; другія сферической, почти правильной формы и свѣжимъ ковромъ зелени покрытыя, таковы: Кинжаль гора и Машукъ изъ которой истекаютъ цѣлебные источники. На горизонтѣ темная цѣпь, по цвѣту называемая Черногорьемъ: далѣе, видныя только въ ясное утро, ледяныя вершины снѣжнаго хребта, горящія всѣми огнями радуги: Элбрусъ справа возноситъ гордо свою двуглавую вершину; слѣва, Казбекъ острымъ рогомъ своимъ раздираетъ небеса. Около сего послѣдняго ущелье Даріель — древнія врата Кавказа, часто запираемыя лавинами. — Изъ придорожныхъ кустовъ выскакивали фазаны; надъ нами ви-

лись орлы; дорога шла по камню; лошади мчались быстро; наконецъ мы въ Пятигорскѣ.

Прежде нежели говорить о Пятигорскѣ, скажемъ нѣсколько словъ о палестинѣ, давшей ему свое названіе и въ которой онъ находится. Пятигорье лежитъ въ большой Кабардѣ и состоитъ изъ нѣсколькихъ горъ, отдѣльно стоящихъ на весьма небольшомъ пространствѣ; это передовой полкъ Кавказа. Геологи думаютъ, основываясь на неправильномъ положеніи ихъ слоевъ, что они образовались послѣ главнаго хребта, который, безъ сомнѣнія, помнитъ первые дни мірозданія. Горы сіи высоты посредственной; не только неснѣжныя, но кромѣ Бештовой, до самой вершины покрытыя растительнымъ слоемъ земли; на всѣхъ растительность богатая — и множество оленей, козъ, кабановъ, зайцевъ, лисицъ, барсуковъ, волковъ и даже медвѣдей — укрывается въ ихъ густыхъ кустарникахъ, которые, вѣроятно, остатокъ лѣсовъ истребленныхъ рукою человѣка: нуждою и предосторожностью! Облака часто опускаются на ихъ темя; изъ нѣдръ сихъ горъ стремятся минеральные источники, привлекающіе своей цѣлебною силою больныхъ со всѣхъ концевъ Россіи. Промежуточныя долины орошаются быстрыми рѣчками и покрыты богатою зеленью. Числомъ ихъ гораздо болѣе пяти, что̀ довольно затрудняетъ этимологистовъ въ названіи, вотъ онѣ: 1) *Лысая*, по обнаженной вершинѣ своей вполнѣ заслуживающая сіе прозваніе; Академики прокликали ее лисьей; 2) *Змѣиная* отъ большаго количества змѣй, которыми весь здѣшній край изобилуетъ; форма ея почти правильная сферическая. 3) *Верблюдъ*, по-

тому что двугорбая; 4) *Быкъ* отъ сходства продолговатой вершины съ хребтомъ сего животнаго; 5) *Медвѣдь*; 6) *Кинжалъ*; 7) *Желѣзная*, вся покрытая густымъ кустарникомъ и точащая желѣзныя воды; у ея подошвы Желѣзноводскъ. 8) *Бештау* и 9) *Машукъ*, объ сохранили свое Черкеское прозваніе, и по своей важности заслуживаютъ особенное описаніе.

Бештау, выше всѣхъ горъ Пятигорья; имѣетъ граниты; формы ея рѣзки и опредѣленны; ребра крутыя и обрывистыя; вершины въ острыхъ углахъ, а средняя возвышается правильной, огромной пирамидою. Густой кустарникъ, покрывающій почти всѣ прочія горы съ низу до верху, едва одну треть Бештау одѣваетъ своею косматою буркой. Голые громадные утесы ея торчатъ безобразно, чернѣя на яркой синевѣ небесъ, какъ башни и зубцы древняго волшебнаго замка,—и клубящіяся тучи часто ихъ обвиваютъ. — Бештовая не имѣетъ минеральныхъ источниковъ; но прѣсная вода, истекающая обильными ключами, оплодотворяетъ роскошныя ея долины. На одномъ изъ сихъ ручьёвъ раскинулась Шотландская колонія съ богатыми садами и огородами. Всходъ на Бештау труденъ, но видъ съ нея единственный: открывается панорамически вся ровнина Пятигорья, уставленная горами, покрытая зеленью лѣсовъ, орошенная горными быстрыми рѣчками, пересѣкаемая плодоносными равнинами: какъ на коврѣ разстилается вся прелесть дикой, сильной и дѣвственной природы. Къ сѣверу неограниченный взоръ гуляетъ въ широкихъ степяхъ Россіи, стелющихся за Кубанью необозримой

пеленою; къ югу, упирается изумленный — въ ледяной щитъ Элбрусса — заслоняющій Азію: очарованную колыбель рода человѣческаго — его преданій и надеждъ! У подошвы Бештовой и полудикіе аулы съ бѣдными саклями, прозрачными заборами, съ табунами и стадами, и съ грустными Черкесами; и колоніи домовитыхъ Нѣмцевъ, съ киркой, независимостью — и съ пѣсней по родинѣ; и Желѣзноводскъ съ карточными своими домиками; и станицы воинственныхъ Казаковъ; и какъ голубь бѣлѣющійся пѣхотный лагерь; — и раждающійся Пятигорскъ. Чего не найдешъ на семъ широкомъ поприщѣ: и дичи и гражданственности?

Машукъ, изливая изъ нѣдръ своихъ цѣлебныя воды въ невѣроятномъ обиліи, особенное привлекаетъ вниманіе; преимущественно юго-западная ея сторона наполнена источниками разныхъ свойствъ, какъ въ составѣ, такъ и въ температурѣ. Вершина ея покрыта рѣдкой муравою, и на ней воздвигнутъ столбъ, въ память прогулки Принца Хозрева; бока ея подошвы поросли густымъ кустарникомъ; въ половинѣ начинаются минеральные источники. Отвержки ея идутъ весьма неправильно, во всѣ стороны, и образуютъ разнообразныя ущелья: въ одномъ изъ нихъ Пятигорскъ. Во многихъ мѣстахъ образовались узкіе, но глубокіе провалы, со дна которыхъ поднимаются сѣрные пары: они служатъ пріютомъ голубиныхъ стадъ, гдѣ ихъ никто не тревожитъ. Вокругъ горы стѣсненная долина, взволнованная холмами, укрытая ковылемъ, пересѣкаемая и орошаемая Подкумкомъ. Мелкій и быстрый горный потокъ сей бѣжитъ по камнямъ и дро-

бясь на безчисленные ручьи, серебреной сѣтью покрываетъ зелень равнины, и ярко сверкая лучами солнца, горитъ какъ лезье Черкескихъ шашекъ. Съ сѣверной стороны Машука, соленыя озера мелькаютъ серебреными заплатами, на Кубанскихъ лугахъ.

Машукъ, столь богато одѣленный природою, не менѣе обязанъ и заботливой рукѣ человѣка: источники ея обдѣланы, крутизны стесаны, дороги ее обвиваютъ; каменистыя вершины холмовъ ея и скалъ украшены зданіями, храмами и колонадами; сады насаждены и роскошная лоза винограда фестонируетъ ея прохладные гроты; и странные, унылые звуки Эоловой арфы — перекликаются съ веселыми пѣвцами лѣсовъ!

Здѣсь-же помѣщу краткое описаніе минеральныхъ источниковъ Машука; ни слова не скажу объ химическомъ ихъ составѣ, хотя ихъ разлагали многіе: мнѣ кажется, что желаніе пояснить анализомъ цѣлебную силу и свойство минеральныхъ водъ, есть дерзость науки, стремящейся съ большимъ жаромъ, но малыми средствами, проникнуть въ сокровенную глубь природы; стремленіе, превратившееся въ нѣкоторыхъ въ увѣренность, и по сію пору не только не увѣнчанное успѣхомъ, но напротивъ породившее искусственныя воды. Всякой знаетъ, какъ эта смѣшная пародія похожа на оригиналъ. Что, если-бы желая кому нибудь дать полное понятіе объ Иліадѣ, сказали: «что она состоитъ изъ такого-то количества А, столько В, С — и такъ далѣе? — Посмотрите, какое разнообразіе въ составѣ минеральныхъ водъ — и какое однообразіе въ изцѣ-

леніи болѣзней: нѣтъ минеральной воды, которая бы не изцѣлила всѣхъ болѣзней! Взгляните для убѣжденія въ многочисленныя описанія водъ: Карлсбадскихъ, Теплицкихъ, Эгерскихъ, Маріенбадскихъ, Баденскихъ и Кавказскихъ. Не говорю уже объ искусственныхъ, которыя берутся быть лучше и дѣйствительнѣе природныхъ: «ибо природа ошибается, а искусство никогда!» (подразумѣвайте: докторъ!) какъ вамъ это нравится, особенно послѣ холеры, столь явно обличившей наружность медицины и глубокія познанія докторовъ, изобрѣтшихъ окуриваніе не только людей и вещей, но даже кошекъ, мышей и пауковъ — хлоромъ?

Главной улицею Пятигорска, недавно насажденнымъ бульваромъ, поднимаешься къ источнику Елисаветинскому. Онъ кислосѣрный въ 22°_{0} по реомюру. Обдѣланъ камнемъ весьма хорошо, но холстинная при немъ палатка, уже покачнувшаяся отъ вѣтра и едва укрывающая посѣтителей отъ дождя и солнца, болѣе нежели бѣдна. — Ванна при семъ источникѣ всего одна; и та деревянная, запачканная, грязная, далеко не удовлетворяющая большаго числа купающихся, которые дожидаются ея по нѣскольку часовъ: къ тому же наполняется она весьма медленно, и нерѣдко больные, или потерявъ терпѣніе, или упустивъ время, но не дождавшись очереди, безъ ванны возвращаются домой. Ванна поставлена въ какой-то лачужкѣ, провонявшей тютюномъ живущаго въ ней сторожа. Здѣсь предполагаютъ выстроить великолѣпныя ванны, галлерею, со всею роскошью Италіанской архитектуры.

Выше въ гору, виноградная аллея, изгибаясь, ве-

детъ къ источнику Михайловскому: щелочной въ 34° по реомюру. При немъ ваннъ нѣтъ; его употребляютъ только внутрь. Надъ его каменнымъ колодцемъ — преузорчатый Китайскій павильонъ съ драконами и бубенчиками; вѣроятно, поставленный для расходу, ибо ни отъ дождя, ни отъ вѣтру, ни отъ солнца никого не укрываетъ. По истинѣ, Калмыцкая кибитка, была-бы гораздо полезнѣе и обличила бы болѣе вкуса въ строителѣ. Въ замѣну его нѣтъ даже и проэкта.

На томъ-же горизонтѣ, на юго-восточномъ гребнѣ горы, въ ветхомъ деревянномъ домикѣ, Варваціемъ построенномъ, находятся прохладныя ванны, его именемъ названныя: онѣ употребляются мало.

Не много далѣе, въ томъ же направленіи, соленосѣрный источникъ Сабанеевскій: онъ въ первые сталъ употребляться Генераломъ сего имени, которому, впрочемъ, не принесъ никакой пользы. Колодезь его каменный и ванны въ деревянномъ строеніи также недостаточныя по числу купающихся, которыхъ здѣсь всегда множество.

Рядомъ Калмыцкія ванны въ 37° по реомюру. Получили свое названье отъ одной Калмыцкой Княгини, которая раскинула здѣсь свое кочевье и ими пользовалась съ успѣхомъ. Помѣщеніе ихъ въ войлочной палаткѣ, въ родѣ Калмыцкихъ кибитокъ, тѣсное и неопрятное. Къ умноженію неудобствъ, нѣтъ при нихъ бассейна для охлажденной воды, которою ихъ разводятъ, ибо цѣльныя нестерпимо горячи. За сію воду платятъ особенно сторожамъ, но и за деньги не всегда ее имѣешь.

Александровскій источникъ обильнѣе всѣхъ во-

дою; въ $37\frac{2}{0}$ по реомюру; открытъ былъ прежде всѣхъ и одинъ составилъ первоначальную славу Горячеводска, теперешняго Пятигорска: объ его свойствахъ, цѣлебной силѣ, и чудныхъ выздоровленіяхъ разсказамъ нѣсть конца. Миѳологическою эпохою его можно назвать то недавнее время, когда городъ и крѣпость существовали въ Константиногорскѣ, котораго валы теперь уже поросли крапивою; здѣшнія мѣста были пусты и опасны, и къ источнику больные пріѣзжали верхомъ съ ружьями, подъ прикрытіемъ конвоя и пушекъ; сидѣли въ ваннѣ до обморока и отдыхали подъ сѣнью Калмыцкой кибитки, пѣхотной палатки или козачьяго плаща. Тогда, въ выборѣ доктора или источника не затруднялись; ибо докторовъ было мало — и отъ всѣхъ болѣзней лечили однимъ источникомъ, по неимѣнію другихъ. Простуды не боялись, діэты не знали, не было аптеки, никто не умиралъ — и всѣ выздоравливали.

И ванна № 1, высѣченная въ камнѣ, въ которой источникъ показался съ трескомъ и громомъ, была точно «купелью Силоамскою,» хотя и теперь еще многіе больные не думаютъ выздоровѣть безъ сей ванны, но уже не то: съ опасностью, чудеса и поэзія отлетѣли; другіе источники оспориваютъ у него, по волѣ докторовъ, преимущество изцѣлять одному всѣ болѣзни; грязный домикъ построили надъ ванной; плохой навѣсъ укрываетъ больныхъ; очередь выписана мѣломъ на черной доскѣ; инвалидъ закуренный, отпираетъ дверь — и продаетъ вамъ деревянные кресты, покрытые известковой накипью источника.

Въ половинѣ горы Александровскій ключъ наполняетъ ванны Ермоловскія, въ розовомъ полуразрушенномъ домикѣ. Въ самомъ низу, на городской площади, на томъ-же источникѣ, находятся ванны Николаевскія — въ просторномъ и великолѣпномъ каменномъ зданіи. Не взирая на удобства, покой и тождество воды, какъ больные такъ и доктора ими пренебрегаютъ, почитая ихъ уже ослабленными въ сравненіи съ ванною № 1.

Внутренность деревянныхъ трубъ и часть скалы, по которымъ бѣжитъ Александровскій ключъ, для наполненія Ермоловскихъ и Николаевскихъ ваннъ, покрыты толстымъ слоемъ известковой накипи: трубы ежегодно вычищаютъ.

Весь отвержекъ горы, съ вершины коей бьетъ Александровскій источникъ, предположено застроить великолѣпными зданіями для помѣщенія ваннъ и галлерей. Планы ихъ прекрасны, соображены человѣкомъ съ воображеніемъ: желательно, чтобъ удалось Г-ну Бернадоци ихъ окончить такъ-же какъ началъ. Николаевскія, Ермоловскія и Александровскія ванны, наполняемыя однимъ источникомъ, одѣвая одну гору, соединенныя лѣстницами, терассами, спусками, должны казаться, со всѣмъ разнообразіемъ подробностей и частей, однимъ цѣлымъ зданіемъ.

Зданіе ваннъ Николаевскихъ строгой архитектуры, стоя внизу, своею тяжелой массою служитъ всему основаніемъ. Надъ ними благородныя пропорціи Дорическаго ордена украшаютъ галлереи и ванны Ермоловскія. Еще выше стройные портики-

ки Іоніи окружаютъ источникъ Александровскій. Надъ всѣми, на одинокой скалѣ, круглый, прозрачный, накрытый куполомъ со всею роскошью увитыхъ аканѳомъ колоннъ Коринѳскихъ, павильонъ какъ пышнымъ вѣнцемъ уберетъ благодатную гору, щедро изливающую изъ кремнистыхъ сосцевъ своихъ цѣлебную влагу. — Я распространился объ семъ проэктѣ, хотя увѣренъ въ медленности его совершенія,—потому что уже положено ему начало. Николаевскія ванны построены; лѣстница къ Ермоловскимъ сдѣлана, спускъ для экипажей сглаженъ, садъ разведенъ и поставленъ гротъ, называемый Элбрунь.

Всѣ эти источники соединяются между собою живописными аллеями сада, и къ каждому можно подъѣзжать въ экипажахъ. Кромѣ этихъ водъ, во всей горѣ находятся многочисленные минеральные ключи, которыми пользуются Калмыки и Черкесы совсѣмъ особеннымъ образомъ: выкопаютъ ямы, напустятъ въ нихъ горячей или прохладной воды, и сидятъ въ этихъ лужахъ отъ восхожденія до захожденія солнца. Пьютъ горячую воду рѣдко, сберегая себя для Нарзана, но случается — и тогда пьютъ ее безъ всякой мѣры. Когда сей особенный способъ леченья подѣйствуетъ, съ видимой пользою на нѣкоторыхъ изъ нихъ, тогда источникомъ овладѣютъ доктора, разлагаютъ воду химически и предписываютъ ее по всѣмъ правиламъ медицины. Надъ ключемъ ставятъ кровъ, строютъ ванны. Такъ образовались ванны: Калмыцкая, Сабанеевская, Варваціевы: больные чуть за нихъ не дерутся, а Калмыки отправляются далѣе рыть свои ямы на палящемъ солнцѣ и далеко отъ медиковъ.

Обширный садъ соединяетъ между собою всѣ источники; ко всякому можно свободно подъѣзжать въ экипажахъ, по хорошо устроеннымъ дорогамъ.— За Сабанеевскими ваннами находится провалъ: это круглое отверстіе, саженъ 5 въ діаметрѣ, съ отвѣсными боками; съ влажнаго дна поднимаются сѣрные пары; нѣкоторые думаютъ, что онъ произведенъ искусственно; но никакой видимой причины нѣтъ предпринимать столь тяжкій трудъ; ктому-же были бы какіе нибудь слѣды жилища или другихъ работъ въ окрестности, что нибудь сохранилось бы въ преданіи Черкесовъ, напротивъ ничего подобнаго нѣтъ. — Естественныхъ же причинъ существованію сего провала множество. Вся гора, наполненная горячими ключами, носитъ на себѣ слѣды насильственнаго дѣйствія огня и воды: въ источникахъ большое количество сѣры и селитры, слои горы извѣстковые, также и отсѣдъ водъ; весь юговосточный бокъ ея треснулъ; въ направленіи сей трещины находится какъ большой упоминаемый провалъ, шакъ и другіе гораздо поменьше; одинъ небольшой находится возлѣ Варваціевскихъ ваннъ. Вѣроятно, что провалъ служилъ трубою сѣрнаго источника, поднимавшагося въ вверхъ, подобно Александровскому, въ силу законовъ, которымъ повинуется вода въ Артезіянскихъ колодцахъ; но въ слѣдствіе подземной революціи, источникъ открывъ себѣ другой исходъ, вдругъ опустился и увлекъ за собою всѣ мягкія части, которыми онъ самъ, въ видѣ отсѣда, усшлалъ бока горы. Это одно предположеніе, основанное на слѣдующихъ фактахъ: вышина Александровскаго источника почти одинакая съ вышиною, гдѣ нахо-

дится отверстіе провала; глубина источниковъ неопредѣлена. Извѣстно только, что она простирается далеко внутрь земли: когда землетрясеніе разрушило Лиссабонъ, въ Карлсбадскомъ спруделѣ замѣтили сильное измѣненіе. То какъ ни глубокъ провалъ, вѣроятно, глубина Александровскаго источника не менѣе, если не болѣе глубины провала. — Александровскій источникъ, такъ-же какъ и спрудель, въ невѣроятномъ количествѣ несетъ отсѣдъ свой, который остается на бокахъ трубы, имъ протекаемой и составляетъ скорлупу или чашу его: то, что Нѣмцы въ спруделѣ называютъ die Schale. Въ спруделѣ отсѣдъ этотъ очень крѣпокъ, въ Александровскомъ напротивъ, очень мягокъ. — Въ Машукѣ, ключи не рѣдко измѣняютъ свое мѣсто или вовсе перестаютъ бить.

Когда глядишь на сіи чудеса природы, опять раждается вопросъ, необходимый при всѣхъ человѣческихъ изысканіяхъ и никѣмъ еще не разрѣшенный: «Что предшествовало: курица или яйцо?» Что было прежде: Машукъ или источники? Обращая вниманіе на правильныя формы, большой части горъ Пятигорья легко предположить, что минеральные источники, исторгаясь изъ нѣдръ земныхъ въ удивительномъ обиліи и неся за собою массы отсѣда, накопили съ вѣками сіи огромныя извесшковыя возвышенія, которыя наконецъ задушили источники.

Но первозданные граниты на вершинахъ нѣкоторыхъ горъ именно Бештовой въ разрушенныхъ и исковерканныхъ массахъ опровергаютъ это предположеніе. Одно только ясно: куда бы ни проникъ взоръ

человѣка, ныряетъ ли въ глубь морей невѣдомыхъ, попираетъ ли пятою вершины горъ снѣжныхъ, разбиваетъ ли полюсныя льдины, отрываетъ ли алмазъ подъ экваторомъ, вездѣ слѣды огня, вездѣ слѣды воды!

Я. Сабуровъ.

КАВКАЗЪ.

Пятигорскъ. Въ Европѣ только въ одной еще Россіи строятся города ; въ семъ случаѣ мы не уступаемъ Америкѣ. Дряхлѣющая Европа тысячами производитъ мануфактуры и фабрики—эти добровольныя галеры обнищавшаго роскошью человѣчества; но юнымъ только царствамъ предоставляется производить чадъ сильныхъ и мощныхъ, которыхъ гранитное основаніе упрется во мракъ вѣковъ и имя раздастся въ грядущихъ поколѣніяхъ.

Грустно видѣть возникающую деревню: роскошная степь, привольная и необозримая; міръ новый и невѣдомый, гдѣ мысль и звѣрь гуляютъ на просторѣ; богато-испещренный коверъ природы своенравно-орошаемый, невозмущаемый водою, то стремящуюся бурнымъ потокомъ, то болотисто-зеленой

шиною обманывающей неопытнаго путника, воображающаго ступать по зеленому лугу. Сія tabula rasa дѣвственной природы обезображивается физической первой *потребностью* человѣка: скудная жизнь его здѣсь начинается.

Соломенная кровля едва укрываетъ кривопоставленную хижину; плугъ правильно браздитъ вѣковалый ковыль, какъ старецъ посѣдѣвшій, и своею упругостью притупляющій непривычное желѣзо сошника и косы. Здѣсь человѣкъ себя ограничиваетъ, дѣлитъ, обрѣзываетъ, огораживаетъ. Всему даетъ свое имя и неслыханное названье: необозримость превращается въ сосѣдство, степь въ поле, даль въ чужое, Божье называется моимъ! А за мое — завидуютъ, отнимаютъ, судятся, браняться, рѣжутся. А братьевъ дѣлитъ и миритъ — судья и палачъ! И потому я смотрю на новую деревню, какъ на человѣка въ пеленахъ, какъ на болотистый источникъ, можетъ быть, великой рѣки — и даже какъ на начало разрушенія древняго неприкосновеннаго порядка вещей, какъ на загнивающій трупъ. Но городъ есть уже произведеніе мысли, потребность образованности, вновь родившейся изъ разрушеній стараго, елементъ приходящій въ порядокъ: кто строитъ городъ — тотъ уже раздѣляетъ хаосъ — и говоритъ: «Да будетъ свѣтъ — и иногда — свѣтъ бысть!»

Иногда, говорю я, ибо не-всегда удается городъ; мы видали, что первый камень города бываетъ и послѣдній; но не таковъ Пятигорскъ! Самое поверхностное обозрѣніе мѣстности, времени и обстоятельствъ, въ которыхъ онъ строится, убѣ-

дятъ, что онъ на Югѣ будетъ играть ролю въ другомъ родѣ, но столь же важную какъ Петербургъ на Сѣверѣ. Ибо всѣ работы, приводящія въ движеніе нравственныя, политическія и гражданственныя силы колосальной Россіи, производятся въ Петербургѣ, который встарину названъ окошкомъ Петра Великаго на Европу. — Въ Москвѣ развертывается, съ необыкновенной дѣятельностью, ея сила промышленная: сколько новыхъ фабрикъ и заводовъ возникаетъ около Москвы? — Въ Нижнемъ-Новѣгородѣ Россія является во всемъ блескѣ своей торговли; здѣсь Сѣверъ и Югъ, Европа и Азія стекаются для размѣна своихъ произведеній: и какая ярмарка въ свѣтѣ сравнится съ симъ Русско-Азіатскимъ рынкомъ? — Она молится въ древнемъ, святомъ Кіевѣ, въ сей колыбели Россіи, гдѣ таятся могилы нашихъ предковъ, гдѣ среди чудесъ возносятся златые кресты первыхъ нашихъ храмовъ, гдѣ кипятъ преданія — во мракѣ пещеръ, у подножія гробовъ мучениковъ и угодниковъ Божіихъ, при тускломъ свѣтѣ паникадилъ. Въ Пятигорскѣ она лечится.

А такъ какъ больныхъ всегда много, и хотя каждый человѣкъ долженъ умереть, но всякой больной можетъ выздоровѣть — афоризмъ, объясняющій важность медицины и успѣхъ докторовъ (успѣхъ въ отношеніи къ нимъ); то и Пятигорску я смѣло предсказываю блестящую будущность. Особенно когда исправятся къ нему пути со всѣми принадлежностями, ибо то, что называется «дорогами» вообще хорошо: по всему пространству Россіи нѣтъ ни горъ, ни ущелій; а лѣтомъ сухая степь

стоитъ Мак-адамовой шоссе; лошади также недурны: но тутъ же есть много предметовъ, надъ которыми ямщики, почтмейстеры, станціи, подорожныя, очереди и пр: и пр: вотъ гдѣ авторъ затрудняется. Надобно еще поотодвинуть Черкессовъ, которые не опасны, но безпокойны, и болѣе вредятъ успѣху города худой молвою, нежели дерзкими дѣлами, которыя въ послѣднее время ограничивались только весьма не рыцарскимъ похищеніемъ нѣсколькихъ лошадей, просто конокрадствомъ. Еще бы не худо растолковать жителямъ Пятигорска теорію городовъ, которую вообще мало въ Россіи понимаютъ: мы въ городахъ хотимъ жить какъ въ деревняхъ особнякомъ; хлопочемъ имѣть домъ со всѣми угодьями, мало заботясь о сосѣдѣ, и вовсе забывая объ улицахъ, хотя главная цѣль въ городахъ «жить съ людьми», и потому захватываемъ огромныя пространства своими дворами, а улицы остаются немощеными, безъ тротуаровъ; нѣтъ возможности обойтись безъ множества лошадей и служителей, что причиняетъ грязь и навозъ на дворахъ, нечистоту въ домахъ и вонь на улицахъ! Пятигорскъ слишкомъ раскинутъ, и потому подверженъ всѣмъ этимъ неудобствамъ. Нѣсколько казенныхъ зданій точно великолѣпны; но частные домы похожи на карточные, и съ столь малымъ стараніемъ строены, что не всегда защищаютъ отъ дождя и вѣтра; про мебель и говорить нечего: ни одного стула покойнаго въ цѣломъ городѣ нѣтъ, а стѣны изукрашены картинками въ родѣ: «Браиловскаго штурма или Женевьевы брабантской», а я имъ отъ души предпочитаю райскую птицу Алкиносъ и погребеніе кота мышами; впрочемъ у всякаго свой

вкусъ. Посрединѣ большой улицы бульваръ, весьма пріятный пѣшеходамъ. Обозначена площадь, гдѣ будешъ бить фонтаномъ вода, проведенная съ Бешшовой, чѣмъ не малая удобность доставится жителямъ, которые теперь возятъ воду изъ Подкумка, текущаго подъ горою, и въ дожди, очень мутную. Вмѣсто предмѣсшія поселены два полка козачьихъ, которые и кормятъ, и обмываютъ, и защищаютъ Пятигорскъ; послѣднюю обязанность раздѣляешъ съ ними батальонъ пѣхоты и артиллерія, а первую Шотландская колонія. Удивительно и странно, что въ Русскомъ городѣ, хотя новомъ, но уже довольно обширномъ и богатомъ, украшенномъ многими великолѣпными зданіями, всего одна небольшая церковь, и та тесовая: вѣроятно эту оплошность скоро исправятъ, тѣмъ болѣе, что и площадь и планъ готовы, и сами посѣтители не откажутся споспѣшествовать столь доброму дѣлу. Какъ прогателенъ обычай въ Карлсбадѣ, гдѣ ни одного нѣтъ павильона, ни эолу, ни завоевателямъ, но всѣ утесы и вершины горъ увѣнчаны распятіемъ и въ чащахъ укрывается Maria hülf (часовня съ образомъ Богоматери).

Для неимущихъ офицеровъ построенъ обширный казенный домъ, и почти такой же воздвигнутъ частной благотворительностью Г-на Орлова. Квартиры вообще дороги, но самая дороговизна производишъ конкурсъ, который въ скоромъ времени ее уничтожитъ. Въ ресторацiи есть нѣсколько нумеровъ, которые обыкновенно заняты чиновниками. Въ обширной ея залѣ, довольно бѣдно убранной, бываютъ балы, на которыхъ больные могутъ танцовать до упада.

Родъ жизни. Здѣсь онъ опредѣляется не жителями, но гостями, т. е. больными, которые съѣзжаются со всѣхъ концевъ Россіи, а постоянные хозяева Пятигорска ничто иное какъ ихъ покорные слуги. Больные же, отбросивъ на время всѣ свои привычки и обычаи, дѣлаются рабами своихъ страданій и лекарей, которые подчиняютъ ихъ водяному однообразію.

Всѣ встаютъ очень рано: въ 5 часовъ уже на источникахъ; въ 9 завтракаютъ; послѣ въ ваннахъ. Обѣдаютъ около 2 часовъ; тамъ отдыхъ; вечеромъ опять ванны; чай и гулянье; день оканчивается прежде 12 легкимъ ужиномъ — и на завтра тоже. Эти формы рѣдкимъ подвержены исключеніямъ, и почти одинакія на всѣхъ минеральныхъ водахъ.

По отдаленности Кавказа отъ центра Имперіи, здѣшнее общество, во время курса, состоитъ почти всё изъ истинно больныхъ; искателей удовольствій и приключеній, и пріѣзжающихъ на воды какъ въ деревню для благорастворенаго воздуха, весьма немного. Сюда имъ ѣхать и далеко, и скучно, и дорого; не то что въ Германіи, гдѣ каждыя воды окружены полдюжиною столицъ. Не говорю уже о Московскомъ заведеніи, гдѣ утромъ на водахъ не менѣе нарядовъ, и гораздо болѣе свѣжести на дамскихъ лицахъ, нежели на пышныхъ балахъ.

И такъ, какъ видите, господствующій характеръ общества Кавказскихъ посѣтителей — совершенно больной; но эти больные подраздѣляются на классы: весьма больные, точно больные, полубольные и будто больные.

Первые свято сохраняютъ уставъ медицины и повинуются безпрекословно всѣмъ предписаніямъ доктора; принимаютъ Александровскія ванны N 1, дожидаясь ее по 3 часа на вѣтру и солнцѣ; сидятъ въ ней очень долго, выходятъ закутанные, вылеживаются много, и всѣмъ разсказываютъ исторію своей болѣзни, свои надежды и планы для будущаго. Изъ этихъ умираетъ много отъ старости, болѣзней, безпокойствъ, водъ, докторовъ и отъ тысячи другихъ причинъ, изъ которыхъ и одной часто достаточно, чтобъ доконать страждущаго; но иногда они всѣ соединяются на одного.

Точно больные сердятся, что ихъ не лечатъ сильными средствами; негодуютъ на діэту и считаютъ расходъ. Изъ нихъ вылечиваются столько же сколько и вездѣ.

Полубольные брюзгливы, своенравны; иногда лечатся безъ доктора; всего чаще его не слушаютъ. Играютъ съ утра до вечера въ грошевый бостонъ, занимаютъ казенные NN въ заведеніи, и ссорятся за очередь въ ваннахъ.

Будто больные составляютъ особый классъ людей; проскачутъ на почтовыхъ двѣ тысячи верстъ; лазаютъ по горамъ; ѣздятъ на борзыхъ Черкесскихъ лошадяхъ; задаютъ пикники, вечеринки. Воду пьютъ, какую, какъ и когда угодно; купаются гдѣ просторнѣй. Снабжены обильно рецептами, термометрами, литературными новостями, модными галстухами, виномъ и картами; платятъ щедро докторамъ — и пляшутъ до упада, будто завтра умереть! Ихъ хотя не много, но почти однихъ

только и видно: вспрѣчаются вездѣ, и на всѣхъ водахъ и на гуляньяхъ, и на горахъ и въ аулахъ; почему они, составляя родъ водяной аристократіи, называютъ себя исключительно обществомъ. Пресытившись прелестями Елбруса и Нарзана, они возвращаются облегченные иногда здоровьемъ, всегда деньгами, и кричатъ объ Кавказѣ: чудеса!

Но что Кавказъ лечитъ? какими водами? и отъ чего излечиваетъ? — Вотъ вопросы довольно затруднительные; никакая теорія ихъ не разрѣшаетъ; а на практикѣ столько противорѣчущихъ фактовъ, что трудно на чемъ нибудь остановиться. — Черкесъ отъ всѣхъ своихъ болѣзней пьетъ богатырскую воду (Нарзанъ); съѣхавшіеся изъ Россіи, съ наставленіями лучшихъ медиковъ, съ разнородными болѣзнями, наблюдая діэту, рѣшаясь на выборъ воды, которую пьютъ или купаются по счету и хронометру, по собранію консиліума — и съ журналомъ болѣзни; Калмыки съ утра до вечера высиживая въ грязной ямѣ перваго незаняпаго ключа; и даже тѣ, которымъ доктора рѣшительно запрещаютъ употребленіе водъ: по видимому равно излечиваются. Г-нъ Н. въ своемъ сочиненіи насчиталъ болѣе 300 болѣзней, отъ которыхъ Кавказъ изцѣляетъ; здѣшніе медики никогда не отсылаютъ безъ водъ обратно. Иногда самыя упорныя и безнадежныя болѣзни были радикально и быстро изцѣлены; иногда самыя ничтожныя превращались въ важныя и неизцѣлимыя. Иногда воды дѣйствовали вдругъ; иногда дѣйствіе ихъ оказывалось въ послѣдствіи. И потому одно изъ неудобствъ Кавказа, что большая часть посѣтителей обязана возвра-

щаться на Сѣверъ и съ наступленіемъ осени. — Не взирая на древность медицины, на геній и рвеніе людей ею занимавшихся, на успѣхи наукъ ей помогающихъ, а главное химіи, всѣ эти факты объясняются весьма неудовлетворительно, хотя часто многорѣчиво, иногда и краснорѣчиво. Новыя методы, возникшія съ новыми успѣхами, произвели переворотъ и анархію въ области медицины, которые сильно поколебавъ вѣру въ старые способы, открыли тысячи путей, но ни одинъ еще не довелъ до цѣли. Не говорю уже о Бруссе, который вездѣ видѣлъ инфламацію и всѣ болѣзни лечилъ кровопусканіемъ; ни о Леруа, который, сохраняя драгоцѣнно кровь, безжалостно гналъ мокроты: они только извѣстные способы приложили со всею необузданностью логики — и вдвоемъ составили идеальнаго Санградо. Но Ганеманнъ, дѣйствуя почти невещественнымъ образомъ, пустилъ въ свѣтъ идею совершенно новую, разрушающую какъ сущность, такъ и форму алопатической системы. Опираясь на ученье и опытъ, подкрѣпляемый многочисленными учениками и мнѣніемъ Германіи,—сей колыбели медицины,—Ганеманнъ не могъ не имѣть вліянія и на минеральныя воды, которое весьма поколебало всѣ прежнія мнѣнія. Одни думали, что онѣ дѣйствуютъ своими составными частями, которыя легко не только разложить, но и сложить, (на чемъ и основана система искуственныхъ водъ); но Ганеманисты доказали, что ни одни воды, ни однимъ химикомъ, не разложены еще вполнѣ, тѣмъ болѣе, что ежедневно химія ошкрываетъ новыя начала, разлагая газы, Іоды, которые прежде почитались неразлагаемыми, и потому справедливо полагаютъ,

что неизвѣстно какіе именно части дѣйствуютъ на болѣзни; что дробность сихъ частей, нашимъ орудіямъ недоступная, не исключаетъ въ нихъ цѣлебной силы, которую Ганеманисты признаютъ въ частяхъ столь мелкихъ, что постигаются не разсудкомъ, но однимъ воображеніемъ. Никакимъ другимъ образомъ не льзя пояснить своенравнаго дѣйствія Кавказскихъ водъ.

Но въ сторону тайны науки, которыхъ долго еще не разгадаетъ человѣкъ, если когда нибудь разгадаетъ; остановимся на томъ, что открыто его инстинктомъ. Кавказъ существенно полезенъ страждущему человѣчеству, которому природа открыла свою тайну. Кто сказалъ кочующему Калмыку, полудикому Черкессу, отдаленному жителю Сѣвера: «ступай въ горы; въ неприступныхъ ущельяхъ, подъ навѣсомъ скалъ, въ сѣни лѣсовъ дремучихъ, подъ стражею чудовищъ, бьютъ два ключа, одинъ горячій, другой холодный; зовутъ ихъ мертвой и живой водою; купайся и пей ихъ — и здравъ будешь!» Кѣмъ, когда и какъ сказанъ былъ смыслъ сихъ словъ, которыя теперь повторяются народами, непричастными науки, отъ Сѣвера до Юга? —Но... боюсь поссорится съ экзаменованными докторами, и даже съ лекарями, которыхъ впрочемъ я весьма уважаю.

Продовольствіе. Записнымъ гастрономамъ вездѣ трудно удовлетворить свой прихотливый вкусъ; безъ утонченной и даже своенравной разборчивости что за гастрономъ, котораго аппетитъ возбуждается не физической потребностью — но созер-

цаніемъ высоко творческаго генія своего повара; такимъ весь свѣтъ покажется пустынею, гдѣ питаются манною — и одинъ Парижъ является землей обѣтованной; но и тотъ, говорятъ, въ семъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, попорченъ Іюльской революціей. Подобному гастроному трудно будетъ на Кавказѣ пообѣдать; но заморить голодъ есть чѣмъ. Въ каменистыхъ рѣчкахъ водится отличная форель; въ лѣсахъ множество дикихъ козъ и оленей; охотники приносятъ фазановъ и другую дичь; баранина можетъ занять почетное мѣсто на столѣ Шотландскаго лорда. Казаки снабжаютъ обильно молокомъ и масломъ; колонисты зеленью и овощами. Московскіе купцы привозятъ чай, кофе, шеколадъ, вино и даже крендели изъ Москвы — и всё это хорошо и недорого. Тонкими винами не худо запастись самому, также поваромъ и хлѣбникомъ; хлѣбы вообще здѣсь не хороши, ибо всего одинъ булочникъ, Нѣмецъ, который безпрестанно разъѣзжаетъ изъ Пятигорска въ Кисловодскъ и Желѣзоводскъ, а вся его практика безъ него спротѣетъ и терпитъ голодъ, такъ что его пріѣздъ, хотя не возвѣщается колоколами, но составляетъ эпоху и возвращаетъ обиліе хлѣба.

Но горе тѣмъ, которые, по обстоятельствамъ, или положась на громкое названье ресторація, пріѣхали сюда на легкѣ. Что только можетъ быть неопрятнѣй, гаже, хуже, нездоровѣй, безпорядочнѣй и неблагопристойнѣй — все это вы увѣрены найдти въ здѣшнемъ трактирѣ. Комнаты не метеныя, бѣлье не мытое, пьяная прислуга въ оборванныхъ кафтанахъ, обломанные ножи и вилки, раз-

трескавшаяся посуда, вонючія сальныя свѣчки въ нечищенныхъ подсвѣчникахъ, кушанье на бараньемъ салѣ — или съ прогухшимъ масломъ — и что за кушанье, что за провизія? Конечно, ни у одного мѣлкопомѣстнаго дворянина степныхъ губерній ничего подобнаго не найдете.

Все это тѣмъ болѣе возбуждаетъ, уже негастрономическое негодованіе, что симъ продовольствіемъ, и довольно дорогимъ, обязаны существовать бѣдные больные офицеры, неимѣющіе другаго способа и пристанища. Не извѣстно по какимъ причинамъ предпочитаютъ нынѣшняго трактирщика, когда очень много охотниковъ на столь выгодное мѣсто: затрудненіе только въ выборѣ, ибо мудрено найдши худшаго.

Кто хочетъ имѣть весьма порядочный обѣдъ и совсѣмъ не дорогой, тотъ ступай въ Шотландскую колонію; тамъ онъ найдетъ все, что есть на Кавказѣ лучшаго и весьма хорошо приготовленное. Но колонія за шесть верстъ, а для больныхъ и безъ-экипажныхъ это слишкомъ далеко, тѣмъ болѣе что обѣдъ надобно заказать заранѣе.

Препровожденіе времени на Кавказѣ. Вообще и вездѣ слышишь отъ людей двѣ жалобы: 1) что жизнь коротка; 2) что скучно; и хотя онѣ заключаютъ ужасную противоположность, но люди такъ ихъ понимаютъ и чувствуютъ, что немногіе ошыскиваютъ въ нихъ недостатокъ логики. И едва-ли въ семъ случаѣ, откровенный мыслитель не обвинитъ скорѣе логику, нежели человѣчество, которому и жить не для чего и умирать не хочется.

Какая глубокая истина въ словахъ Пророка: «Всякій человѣкъ есть ложь!» — Чувство страха за жизнь и скуки, не взирая на ихъ несообразность передъ разсудкомъ, ощутительнѣй на Кавказѣ нежели гдѣ нибудь — и все, что служитъ къ развлеченію больныхъ принимается съ жадностью. Удаленные отъ своихъ, страдая разными недугами, оставивъ дѣла, на діэтѣ и въ мелкихъ заботахъ о своемъ здоровьѣ, имъ развлеченія необходимы для успокоенія духа и для разогнанія скуки: воды раждаютъ и поддерживаютъ надежду на выздоровленіе. Но какого рода удовольствія могутъ быть за 1500 верстъ отъ столицы, на границахъ Азіи, въ горной пустынѣ, среди варварскихъ народовъ, широкой степью отдѣленныхъ отъ всякой образованности, и для людей больныхъ и между собою почти незнакомыхъ.

Всѣ удовольствія здѣсь надобно создать себѣ самому: кто любитъ общество, тотъ знакомься и выбирай. Элементы есть, ибо пріѣзжіе со всѣхъ сторонъ и довольно разнообразны для любопытнаго наблюдателя. Любители картъ, а ихъ всего болѣе въ нашихъ обществахъ, легко удовлетворяютъ свою охоту; зала ресторацiи, раскинувъ свои многочисленные и запачканные столы, представляетъ широкое поприще грошевымъ вистовщикомъ; и если кому нибудь придется жить спекуляціями, то конечно нѣтъ выгоднѣе карточной торговли на Кавказѣ. Старые перепечатныя карты съ руками рвутъ по лавочкамъ: можно себѣ представить каково потребленіе.

По праздникамъ собираются въ залу ресторацiи для танцевъ; дамы по обыкновенію разряженныя,

мужчины наконецъ дождались, что сюртукъ больному столь же приличенъ какъ и фракъ. Обвѣшалыя гардины, слабое освѣщеніе, плохой ужинъ, и перспектива ранней ванны — не отнимали у многихъ жаркаго рвенія къ шанцамъ.

Стрѣлки и собачьи охотники вполнѣ могутъ удовлетворить страсть свою: ибо кабановъ, оленей, козъ, зайцевъ, лисицъ, волковъ и даже медвѣдей множество; птицъ и болотъ вдоволь: была бы охота на дичь!

Прибавить ли къ этому пріятельскія бесѣды съ безконечными совѣтами непреложныхъ средствъ отъ всѣхъ болѣзней, съ разборомъ дѣйствія водъ, съ жалобами на почту и съ надеждой на урожай: (почта же здѣсь, мимоходомъ будь сказано, не совсѣмъ аккуратна, а 1833 годъ былъ голодный — и печальныя вѣсти, отовсюду посѣтителями получаемыя, много способствовали меланхолической тѣни подернувшей нашъ кругъ). Мѣрныя прогулки по бульвару, имѣющія своихъ Данди; пикники и чаи въ окрестностяхъ, которые обыкновенно худо удаются, и наконецъ чтеніе немногихъ иногда, запоздалыхъ новостей. Кто-то изъ блестящихъ членовъ общества сказалъ, что изо всѣхъ удовольствій, самыя скучныя—это удовольствія сельскія; тоже можно сказать и объ мирныхъ и скромныхъ занятіяхъ Кавказскаго больнаго общества: всякой утѣшается надеждою скорѣй окончить эту обязанность или службу, за которую обѣщаютъ вмѣсто ордена здоровье.

Никогда я не любилъ баловъ, особенно посредственныхъ, гдѣ собираются только изъ охоты по-

плясать или поужинать — а Кавказскіе находилъ хуже всякаго за-Москворѣцкаго свадебнаго. Въ каждой столицѣ можно было найдти общество болѣе по мыслямъ; рѣдкой помѣщикъ не имѣлъ псарни многочисленнѣй; всякой клубъ представлялъ болѣе рессурсовъ по картамъ и по чтенію, а потому, отыскавъ себѣ товарища, который объ сихъ предметахъ раздѣлялъ мое мнѣніе, мы оба любители, почти страстные, природы и новаго, добывъ горскихъ верховыхъ лошадей, пустились объѣзжать окрестности. Лазили по горамъ и, полагаясь на крѣпость и вѣрность ногъ нашихъ коней, опустя поводья, взбирались на утесистыя стремнины, конечно недоступныя всякому гвардейскому парадёру; на рысяхъ объѣзжали каменные косогоры; сквозь облако выскакивали на темя горъ; продирались сквозь чащу кустарниковъ, или спускались узкою тропинкою въ глухія ущелья. Въ одну изъ сихъ прогулокъ мы осматривали монументъ Хозроя, воздвигнутый на вершинѣ Машука; въ другой разъ подъѣзжали къ провалу, гдѣ со мною сдѣлался вершижъ, и лошади наши испугавшись пистолетнаго выстрѣла, столь быстро перевернулись на тѣсной стезѣ, что мы едва не скатились въ пропасть. — То рыская безъ плану и цѣли по равнинѣ усѣянной холмами, объѣзжали берега шумящихъ рѣчекъ, дивились богатству луговъ, роскоши видовъ; проѣхали едва замѣтивъ Константиногорскъ, гдѣ всего остался одинъ домъ. Посѣщали домовитыхъ Нѣмцевъ — и любили слушать ихъ разсказы о родинѣ. Часто насъ застигала ночь; иногда дождь; не всегда были увѣрены въ дорогѣ. Однажды, заговорясь, мы отъѣхали далеко, потеряли изъ виду огни Пятигорска; мѣсяцъ

закрылся тучей; Бешповая утонула во мракѣ, и мы выѣхали на звуки полковой музыки, разносившіеся по горамъ въ тишинѣ ночной, и никогда гармонія не была пріятнѣй.

Безпечный, вольный, беззаботный; забывая прошедшее, не думая о будущемъ; весь слухъ къ журчанью водъ; вдыхая ароматъ полей; взоръ устремленный на прозрачный Ельбрусъ какъ на облакъ Израильскій — я наслаждался бытіемъ! Никогда, ни въ первой юности, когда бодрый и надежный переступилъ порогъ дому родительскаго, отдѣлявшій меня отъ свѣта;—ибо путь жизни, исполненный терніемъ испытанія, какъ черный змѣй развился передо мной, и я прозрѣвъ его весь, въ ужасѣ закрылъ глаза рукамп какъ преступникъ обличенный; — ни на цвѣтущихъ берегахъ Рейна и Эльбы, гдѣ позднѣе, печальный, утомленный искалъ разсѣянія и отдыха: никогда воздухъ не волновался свѣжѣй и просторнѣй въ стѣсненной груди моей!

Съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на раждающуюся гражданственность: меня занималъ видъ просвѣщенія, пускающаго корни свои въ кремни Кавказа и, какъ лоза богатая, покрывающая фестонами зелени сіи дикія скалы, сію обнаженную страну; любопытенъ медленный входъ дѣятельной Европы, съ крестомъ и пушкою, въ неподвижную, лѣнивую, булатомъ вооруженную, воинственную Азію: страну рабства и поэзіи!

Но что сравнится съ здѣшней природою? Солнце яркое, небо ясное, рѣки быстрыя и свѣтлыя какъ шашка Лезгинца, земля тучная и плодородная, трава въ поясъ и ароматная, луга и степь испещренныя, какъ коверъ Міанскій; лѣса густые, какъ бурка

Черкеса. То обширная Палестина, гигантскими валами взволнованная и внезапно охлажденная, какова борьба стихій взбугрила сей грандиозный океанъ! то цѣпь зеленѣющихъ холмовъ, роскошной тѣнью дубовъ и черешенъ осѣненная; то горы, *дымныя* и *цѣлебные* ключи изъ сосцевъ своихъ точащія. Далѣе горизонтъ, ограниченный опаловой грудою ледяныхъ горъ, съ вѣчнымъ стражемъ пустыни—двуглавымъ, возвышеннымъ паче всѣхъ, какъ хоругвь надъ рядами, державнымъ Елбрусомъ!

Ярмарка. На равнинѣ, за Подкумкомъ, раскинулись балаганы наполненные весьма не роскошными товарами. Здѣшняя ярмарка не примѣтитъ богача — ибо столь же бѣдна, сколь ограничена потребность Кавказа, которую она вполнѣ удовлетворяетъ. Въ лавкахъ вы найдете Московскіе ситцы, выбойки, сукны, кумачъ—съ Персидской китай-баба, мовь, канаусь, пестрыя бахтовыя одѣяла, верблюжье сукно; тамъ коврики, бурки, арчаки, оружія, косы, деревянная посуда и пр. Берегъ Подкумка покрытъ былъ многочисленными стадами продажныхъ воловъ, коровъ, овецъ; были верблюды и ослы.

Черкесы прогнали табуны свои, и сами гарцуя и джигитуя по широкой равнинѣ, съ буркою на плечахъ, въ косматыхъ шапкахъ, съ привычной ловкостью, прельщали охотниковъ, и барышничали — не хуже нашихъ гг. заводчиковъ.

Козаки, въ свою очередь, наученные оборотливой промышленностью, предлагали намъ, особливо офицерамъ, клинки негодныхъ сабель, перекрестивъ ихъ въ шашки Черкесовъ, на полѣ сраженія отбитыми: что-жъ мудренаго, что въ Фонтенебло

продано болѣе 1000 перьевъ, которымъ Наполеонъ подписалъ свое отрѣченіе? Не имѣю впрочемъ намѣренія обвинять Козаковъ въ подражаніи иностранцамъ: въ полной, напротивъ, надеждѣ, что сами выдумаютъ не хуже; со всѣмъ тѣмъ, точно попадаются иногда любопытныя вещи, какъ то: булатныя шатки, перерубающія легко желѣзо и древнія оружія крестоносцевъ съ Лашинскими надписями.

Русскіе, Козаки, Черкессы, женщины, ребятишки, въ праздничныхъ нарядахъ, мѣшались пестрою картиною между — воловъ и верблюдовъ; для разнообразія, цыганскій таборъ прикочевалъ съ шумной радостью. Все это забавлялось, торговало, кипѣло дѣятельностью и весельемъ: много ли надобно народу? Хотя роскоши никакой не замѣчалось, но необыкновенное обиліе всякой домашней утвари и штофная лавочка вполнѣ удовлетворяли всѣмъ потребностямъ и прихотямъ богатаго воина — земледѣльца. Мы, Русскіе дворяне, съ бритыми бородами, въ узкихъ кургузыхъ платьяхъ, казались среди сей разнородной толпы совершенными иностранцами.

Чтобъ кончить съ торговлей Пятигорска, я скажу нѣсколько словъ о магазинѣ Ассатуръ Холатова, Тифлисскаго гражданина, привлекающаго посѣтителей богатыми коврами Міана и Эривани термалама, канаусъ и прочими произведеніями Азіатской роскоши, которыхъ еще Европейская промышленность не умѣла перенять. Ни одна краска Гобелена, не взирая на все пособіе химіи и всю ученость Броньяра, не сравняется яркостью, особенно

прочностью, съ красками Персидскихъ ковровъ. Надобно замѣтишь, что въ Пятигорскѣ, по причинѣ пошлины, ковры эти дороги и довольно трудно доставать отличной доброты; но привезенные охотниками изъ Тифлиса далеко превосходятъ мягкостью, прочностью, разнообразіемъ узоровъ и яркостью цвѣтовъ всякой коверъ Англійскій и Французскій. Персидскіе ковры дѣлаются всѣ на бумажной очень толстой основѣ, чемъ они и отличаются отъ Турецкихъ, которыхъ основа шерстяная: нитяную же основу Азіатцы совершенно отбросили какъ перетирающую шерстяной утокъ.

Гроза. Засуха, приготовившая голодъ 1833 года въ цѣлой Россіи, чувствительна была и на Кавказѣ; Іюнь и почти весь Іюль были знойные и дождя ни капли; ледяной хребетъ ежедневно и постоянно являлся во всемъ блескѣ своемъ на горизонтѣ; однообразно печальныя вѣсти объ засухѣ приходили со всѣхъ сторонъ Россіи; молва увеличивала горькую истину настоящаго, и голосъ народа, предчувствуя, какъ будто предсказывалъ — черный годъ. То говорили, что вся Новороссія безъ травы, и истребляетъ свои многочисленныя стада; что ея виноградники посохли; пшеница погорѣла и пр. — то утверждали, что вплоть до Москвы ни хлѣба, ни сѣна, и что по станціямъ лошади поколѣли и извозчики разбѣжались; что почта ходитъ на волахъ; но пришла вѣсть, что холера опять появилась въ Россіи. Хотя почта приходила правильно, новые посѣтители пріѣзжали на почтовыхъ, но возрастающая цѣна хлѣба, погорѣлая трава на окрестныхъ лугахъ, и продолжавшійся зной ни сколь-

ко насъ не успокоивали на счетъ будущаго. Можно представить, съ какою жадностью ожидали дождя, какъ будто дождь тамъ, гдѣ мы сами, долженъ былъ возвратить плодородіе всей Россіи; мы походили на страуса, который, спрятавъ голову, воображаетъ быть внѣ опасности, ибо ее не видитъ. Кромѣ-же того былъ несносный жаръ — и потому друзья мои — прибавивъ еще извѣстную вамъ мою страсть къ грозѣ — вы легко поймете, что первый день дождя и грозы мнѣ памятенъ какъ эпоха мирной моей Кавказской жизни. Вы не избавитесь ни малѣйшей подробности.

Вставши рано, я пошолъ на источникъ; такъ какъ никого еще почти не было, и воздухъ былъ сыръ, то я рѣшился подождать пока солнце обогрѣетъ атмосферу, и, между тѣмъ, взглянуть на его восхожденіе, которое, глядя на востокъ застланный прозрачными розовыми облаками, обѣщало быть иначе нежели обыкновенно. Я взобрался на крутой утесъ, гдѣ предположено построить павильонъ Эриванскій — и пока стояла будка —, слегка взглянулъ на пробудившійся подъ моими ногами Пятигорскъ, и какъ больные всѣхъ оттѣнковъ, зашевелясь какъ муравьи, поползли изъ своихъ домовъ всякой съ своимъ стаканомъ и зонтикомъ, покрыли тротуаръ, дорожки машука, площадки источниковъ. Я стоялъ какъ вкопаный, устремивъ взоръ на востокъ. Юное солнце, разметавъ легкое, волнистое покрывало полупрозрачныхъ облаковъ, яркое, лучезарное, торжественно выступило на горизонтъ: и волны свѣта шумныя, широкія изторглись, и свѣтило, роскошно озарили Пяти-

горье. Дивнымъ отливомъ бархата оживилась зелень луговъ; дробнымъ сверканьемъ заблисталъ Подкумокъ; черныя, длинныя тѣни горъ, какъ раздранная риза ночи, легли на равнину — изчезая; острая гладкая вершина Бештовой холодно приняла и ярко отразила свѣжій лучъ солнца;—такъ прелестный юноша, испрашивая голову отца, лобзаетъ окостенѣлую руку дряхлаго Паши, котораго тусклый взглядъ и зелено-блѣдное чело говоритъ: смерть! И горный хребетъ, какъ женихъ увѣнчался своею ледяной діадимой!

Жаворонокъ запѣлъ въ травѣ; въ облака звалъ подругу орелъ; прокричалъ пѣтухъ въ станицахъ. Закурились хозяйственнымъ дымомъ хаты и воспрянулъ воинственный козакъ, безпечно отдыхавшій въ объятіяхъ подруги. Вооруженный привычной шашкой и мешкимъ ружьемъ, погналъ многочисленные стада и табуны свои въ луга и горы — его храбростью у Черкесовъ отнятые. И ловкій Черкесъ, въ косматой буркѣ и мѣховой шапкѣ, поджавъ ноги, бросивъ поводья на добромъ, смирномъ конѣ своемъ, выѣхалъ изъ сосѣдняго аула: это замиренный! Придетъ время и конь его стиснутый мощной лядвіей помчится быстрѣй вѣтра, обернется на остромъ камнѣ какъ вихрь, кошкой вскарабкается на голый утесъ, какъ вкопаный станешъ отъ движенья праваго повода — и чудкій запрядетъ ушами при малѣйшемъ шорохѣ, пока онъ ѣдетъ обмануть кунака.

Стада коровъ, курдюцкихъ овецъ и табуны лошадей разсѣялись по обширнымъ пажитямъ. Цыганскій таборъ закипѣлъ обычнымъ весельемъ при

видѣ краснаго солнца. Едва-ли не съ однимъ чувствомъ самодовольствія вышла и Московская красавица къ Сабанеевскому источнику для обновленія своихъ прелестей, и стройная Козачка на Подкумокъ — стирать бѣлье.

«Ваше Благородіе — быть грозѣ,» сказалъ мнѣ часовой инвалидъ, «Елбрусъ надѣлъ шапку.» Взглянулъ: уже все измѣнилось на горизонтѣ. Духъ бурь завылъ въ горахъ; сѣдою косматой гривой облаковъ взъерошился побѣлѣвшій хребетъ; «одѣтый облакомъ, повитый мглою» — предсталъ Елбрусъ; въ его пещерахъ, гласомъ преисподней зарокошалъ громъ; черное облако вилось надъ его главою хоругвью гибели — скликая тучи. И тучи по горизонту разсѣянныя, собравъ всюду тлетворное дыханіе болотъ и пустынь, какъ духи мрака, внявъ призывъ владыки, сѣдыя, черныя, бѣлесоватыя, ополченныя громомъ, оперенныя молніей, чреватыя бурей, всѣми вѣтрами гонимыя — шумно и мятежно понеслись по небесамъ. Застилаютъ обезлученное солнце, завѣшиваютъ трауромъ вершины Кавказа, разшибаются объ острую грудь Бештовой, легли клубами на Змѣиную, облекли Машукъ.

Стало темно и душно: вдругъ пахнуло холодомъ, и дождь хлынулъ ливнемъ какъ въ день потопа; громъ ревѣлъ неумолкно; частыя молніи, разсѣкая тучи, озаряли надъ головами бездны мрака, и дробились пожаромъ въ крупныхъ капляхъ дождя.

Но громъ глуше, дождь тише, молніи рѣже; мрачная завѣса тучъ широкими фестонами спустившаяся на темя горъ, волнуясь, какъ траурная

хламида, разодралась. Освободившееся солнце яркимъ лучемъ озарило и море зелени, усыпанное алмазами дождя, броздимое лучистыми ручьями и небо еще бунтующее и грозное; по немъ носились зловѣщими призраками огромные, безобразные обрывки тучъ съ громовымъ гуломъ, съ потухающей молніей. Одни, рѣя по синевѣ небесъ медленно и плавно, казались вранами, терзавшими утробу Промешея; другіе, улетая быстро какъ гремящая колесница пророка, рисовались на свѣтлой равнинѣ пловучими островами мрака. Вершины Пятигорья дымились благодарственными жертвенниками; широкимъ портикомъ раскинулась завѣтная радуга. Въ дивной красѣ явилась Бештовая: разорванныя облака то перепоясывали ее густой, волнистой тканью; то отливая златомъ и багрянцемъ тающаго въ морѣ свѣта, солнца, цѣплялись объ ея крутыя ребра, какъ лохмотья парчи и бархата; то легкимъ парочъ, какъ задумчивые духи Оссіана, пробираясь сквозь частые кустарники, вѣнчали ея вершину; то черное, острое темя ея убиралось разноцвѣтной чалмою Музульманина или воинственнымъ шлемомъ крестоносца, и гигантскія перья развѣваясь, колыхались гордо. Въ отдаленіи Елбрусъ, какъ левъ пустыни, разъяренный, но утихающій, гривистый, косматый, сверкалъ еще послѣдними молніями взоровъ и оглашалъ еще дебрь, послѣднимъ, удушливымъ рыканіемъ громовъ!

Я. Сабуровъ.

(будетъ продолженіе.)

КАВКАЗЪ.

(окончаніе).

Желѣзноводскъ, колонія, аулъ. Такъ какъ мнѣ не приходилось брать желѣзныхъ водъ, по приговору моего доктора, а Д. З. нужно было туда ѣхать для заготовленія квартиры, то мы согласились съѣздить вмѣстѣ. Взяли два ружья, ятаганъ, подождали у ресторація конвоя, котораго не дождались — и поѣхали въ колонію. Дорога идетъ вдоль начатаго канала, которымъ вода съ Бештовой должна быть приведена въ фонтанъ Пятигорска, мимо лагеря артиллеристовъ, мимо кладбища бѣлѣющаго на холмикѣ, по кустарникамъ, черезъ ручей, обгибая Бештовую — и на 6-й верстѣ Шотландская колонія. Шотландцевъ въ ней только одна семья: не выдержавъ скуки и опасностей здѣшняго пребыванія, они разошлись — и мѣсто ихъ заняли Саратовскіе колонисты; но имя колоніи осталось первое. — Деревня въ двѣ линіи, съ красивыми до-

миками, съ небольшой киркой и школою — расположена у подошвы Бешшовой, которая надѣляетъ ее и водой и тѣнью. Палисадники наполнены цвѣтами, липами и тополями; за дворами сады съ яблонями, грушами, вишнями и черешней. Шелковичное дерево растетъ очень хорошо, иные жители воспитываютъ червей, по болѣе для забавы нежели для прибыли. Огороды ихъ снабжаютъ весь Пятигорскъ овощами и зеленью. Есть пчельники; пчелы въ соломенныхъ ульяхъ и такъ ручны, что нѣкоторые полагали ихъ безъ жала: но это неосновательно.

Нѣмцы живутъ кротко и смирно, не отличаются воинственнымъ духомъ и не имѣютъ даже при себѣ оружія; всю безопасность ихъ составляетъ бдительность казачьяго пикета, на которую совершенно полагаются; зимою и того нѣтъ, и Черкесы ихъ иногда порядкомъ тревожатъ.

Я навѣщалъ многихъ колонистовъ: они угащивали чаемъ и кофеемъ; показывали свои сады; принимали привѣтливо и радушно; разсказывали про скуку и опасность своего житья и сожалѣли о временахъ прошедшихъ: это старики! Дѣти, вѣроятно, пріобрѣтутъ привязанность, еще неистолкованную, но безъ сомнѣнія существующую, къ мѣсту своего рожденія.

Въ колоніи порядочный трактиръ — гдѣ Пятигорскіе больные заказываютъ пик-ники: позавтракавъ, мы поѣхали далѣе.

Дорога ровная; по сторонамъ кустарники; кругомъ горы; по полянамъ высокая, густая трава испещренная цвѣтами; особенно замѣчателенъ *голикъ*, растущій широкимъ кустомъ и весь усыпан-

ный мелкими голубыми цвѣтками похожими на незабудки.

По всей дорогѣ казачьи посты: соломенный шалашикъ, гдѣ 2 — 3 казака едва могутъ укрыться отъ непогоды, и то сгорбившись, или спать въ повалку; лошади привязаны къ колу, или стреноженныя и осѣдланныя — пущены недалеко; родъ клѣтки на четырехъ высокихъ шестахъ служитъ караульней сторожевому казаку, который съ этого возвышенія обозрѣваетъ окрестность и бьетъ тревогу въ случаѣ опасности; внизу оставшіеся казаки садятся тотчасъ на лошадей и скачутъ съ вѣстью къ сосѣднимъ постамъ или на главную гауптвахту: такимъ образомъ, въ одно мгновеніе, вся линія на ногахъ — и помощь спѣшитъ куда нужно. Вотъ не мудреный, но дѣйствительный способъ охраненія этого края. Иногда-же, оплошный казакъ, пронзенный пулей, а чаще стрѣлою, чтобъ не слыхать выстрѣла, стремглавъ летитъ съ своего орлинаго гнѣзда: постъ схваченъ и зарѣзанъ; люди и скотъ уведены; линія прорвана и — страхъ кругомъ!

Въ 12-ти верстахъ отъ колоніи, въ ущельи образованномъ Бештовой и Желѣзной горами, находится нѣсколько домиковъ и не много поболѣе мазанокъ: это Желѣзоводскъ.

Домики съ галлереями и колонадами принадлежатъ казнѣ; въ одномъ изъ нихъ ванны, а два другіе отдаются въ наймы по 5 руб. нумеръ. Другія ванны въ калмыцкой кибиткѣ; мазанки разбираются также посѣтителями.

Дневной жаръ не выпускалъ насъ изъ комнаты и мы съ радостью встрѣтили вечеръ: сумракъ спу-

стился прозрачной пеленою на окрестныя горы; поднялись туманы надъ источниками — и лѣсъ повѣялъ прохладою. Домы Желѣзоводска освѣтились, мазанки внизу холма, осѣненныя деревьями, увѣшанныя коврами, озаренныя огнемъ свѣчъ и очаговъ, наполненныя посѣтителями за самоваромъ, съ книгами въ рукахъ, съ трубкою во рту; индѣ слышались фортепіано и флейта: — все это вмѣстѣ представляло странную смѣсь Европейской общежительности съ Цыганскими формами. Нѣсколько молодыхъ людей углубились въ единственную аллею Желѣзоводска; она ведетъ къ источникамъ и проложена въ лѣсу, по полу-горѣ. Подъ густымъ сводомъ деревъ было темно какъ ночью: изрѣдка надъ нами проскакивали яркія звѣзды и показывался полный мѣсяцъ, но чаща лѣса сіяла фосфорическимъ блескомъ необыкновеннаго множества свѣтящихся червячковъ. Съ нами встрѣтился возвращавшійся караулъ: «Ваше Благородіе, опасно; постъ снятъ» — но мы продолжали путь. Вдругъ передъ нами шорохъ; мы едва не оробѣли: столько наслышались о проворствѣ и дерзости Черкесовъ. Выйдя на площадку источника N 8-й, столкнулись съ предряхлою старухою, которая глухою тропинкою пришла за водою, вѣроятно, болѣе опасаясь насмѣшекъ соотичей, нежели удальства горцевъ. Мы всѣ въ одинъ голосъ захохотали.

Источникъ N 8-й обдѣланъ камнемъ; вкусъ холоднаго отзывается мѣдью: по разложенію найдено желѣзо. Ванна возлѣ въ плетневомъ котухѣ, ничѣмъ незащищаемая отъ сквознаго вѣтра; дверь тростниковая: Вѣра спасаетъ купающихся. Подъ на-

вѣсомъ укрывается караулъ и торгуешь шаволжанками.

Источниковъ всего 11; но безпрестанно открываются новые: внутрь употребляютъ ихъ рѣдко, но въ ваннахъ они весьма дѣйствительны. Надобно замѣтить, что не многіе употребляютъ ихъ въ природной температурѣ; еще меньшему числу онѣ помогаютъ въ этомъ состояніи: большею частію ихъ подогрѣваютъ. Про желѣзныя воды идетъ эмпирическая молва, что онѣ раскрываютъ старыя болѣзни; но истинное ихъ дѣйствіе еще не опредѣлено нашей Медициною, хотя составныя ихъ части почитаются извѣстными. Здѣсь встрѣтишь, такъже какъ и на всѣхъ водахъ Кавказа, самыя противуположныя болѣзни у одного источника.

На другой день я съ Д. З. верьхами на наняты хъ казачьихъ лошадяхъ поѣхалъ въ аулъ замиренныхъ Черкесовъ, находящійся въ 5-ти верстахъ отъ Желѣзоводска. На посшѣ, расположенномъ въ лѣсу, взяли казака, который долженъ былъ насъ провожать и охранять.

Лѣсною тропинкою выѣхали мы на обширную поляну, окруженную холмами и скалами; первые зеленѣли, покрытые кустами, вторые громоздились, чернѣя какъ башни замковъ. Трава въ поясъ, кругомъ глушь, безмолвіе, вѣтеръ не шевелился, жаворонки пѣли въ небесахъ, кузнечики чиликали подъ цвѣтками, едва замѣтный слѣдъ человѣка вился по полянѣ — въ концѣ которой пришлался аулъ.

Черкескія мазанки строятся, или точнѣе выразиться, лепятся изъ плетня обмазаннаго снаружи и внутри глиною, съ маленькими отверстьями

вмѣсто оконъ, съ низкой лазейкою вмѣсто двери, высокимъ порогомъ, съ глиняной трубою для дыму ошъ огня, разводимаго на полу одного угла — и съ камышевой кровлей. Съ сотню подобныхъ мазанокъ, первобытной архитектуры, необличающей своею наружностью ни богатства, ни бѣдности, ни вкуса, ни прихоти хозяина, называемыхъ саклями — обнесенныхъ заборомъ и довольно правильно расположенныхъ — составляютъ аулъ. Около саклей ни деревца, ни кусточка: Черкесъ не знаетъ что̀ такое садъ или огородъ: дремучій лѣсъ ему замѣняетъ ихъ. На дворахъ ни курицы, ни собаки; стада и табуны были въ полѣ; снаружи чисто и пусто какъ въ степи; въ сакляхъ неопрятность и вонь; посреди селенія ручей.

Мы подъѣхали къ Султанскому двору: хозяинъ отдыхалъ въ лѣтней саклѣ, т. е. еще необмазанной глиною, и приказалъ насъ просить туда-же. Въ одномъ ея углу, на голой землѣ лежалъ сафьянный матрасъ (Русское произведеніе), съ котораго Султанъ, курившій трубку, приподнялся въ половину и посадилъ насъ возлѣ себя. Въ саклѣ было нѣсколько Черкесъ занятыхъ дѣломъ: одни шили и строчили сафьянныя мешты (башмаки), другіе мотали шелкъ, кузнецъ на жаровнѣ плавилъ серебро для украшенія пистолета лежавшаго возлѣ него. Всѣ они обращались весьма вольно съ своимъ властелиномъ, особенно послѣдній, молодой человѣкъ, ловкой и пріятной наружности, обходился со всѣми какъ хозяинъ и забавлялъ общество, особенно Султана своими шутками и расказами. Онъ же служилъ намъ и переводчикомъ, ибо Султанъ, престарѣлый и угрюмый, не имѣвшій ни времени, ни способности чему-ни-

будь выучиться, ни слова не понималъ по-Русски. Короче сказать, онъ одинъ съ нами разговаривалъ, изрѣдка намекая Султану и предстоящимъ о чемъ рѣчь идетъ; хвалился своимъ мастерствомъ и показывалъ пистолетъ своей работы, точно прекрасно, слоновой костью, чернью и серебромъ обдѣланный, и въ заключеніе, никакъ не хотѣлъ согласиться, чтобъ Пятигорскъ былъ Россія: «Въ Москвѣ Русь!» твердилъ онъ, не договаривая тайную мысль свою: такъ любовь къ родинѣ поддерживаетъ ихъ химерическія надежды! — Мы попросили позволенія осмотрѣть аулъ, и онъ, кивнувъ головою Султану, послалъ за муллою. Другое лице аула, знавшее по-Русски и носившее на челѣ своемъ слѣды сшрастей и образованія Европейскаго; побагровѣвшій отъ водки носъ его получилъ сильное потрясеніе; ему было лѣтъ около 80, но онъ казался крѣпкимъ и здоровымъ. По праву своего званія, онъ, какъ опытный чичероне, смѣло повелъ насъ по саклямъ, гдѣ его принимали съ уваженіемъ, показывалъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя въ аулѣ почитаются красавицами, отбиралъ у старухъ разныя мелочи — продавалъ намъ — а наши деньги раздавалъ полунагимъ, загорѣлымъ ребятишкамъ — преслѣдовавшимъ насъ любопытной, но боязливой толпою. Мулла былъ factotum всего аула — особенно по женской части. Онъ ввелъ насъ въ саклю одного Черкеса, почитаемаго богачемъ: «это Уздень,» сказалъ намъ мулла, «у него 300 лошадей, столько же коровъ, 2,000 овецъ и 40 душъ крестьянъ!» — Богатство значительное въ семъ краю и напоминающее опись имущества Патріарховъ. Наружность его сакли ни чемъ не отличалась отъ

прочихъ, вѣроятно и внутренность также, ибо темнота, голыя стѣны, на глиняныхъ диванахъ бѣдные ковры, верблюжьи полсти и рогожки не обличали роскоши; въ добавокъ тѣснота, духота и неопрятность, рѣдко встрѣчаемыя въ избахъ бѣднѣйшихъ крестьянъ нашихъ, доказывали совершенное отсутствіе не только прихотей, но даже понятія объ жизненныхъ удобствахъ. Женщины пряли и ткали верблюжью шерсть на грубое сукно, и нестерпимо воняли коровьимъ масломъ, которымъ мажутъ свои волосы. Оборванные ребятишки пищали вмѣстѣ съ больными ягнятами, а самъ хозяинъ былъ въ полѣ съ табунами. «Если онъ такъ богатъ, отъ чего же онъ живетъ дурно?» — А какъ же ему жить? возразилъ намъ мулла. — «Ну! большой домъ, хорошее платье — такъ какъ Русскіе въ Пятигорскѣ.» — У насъ такъ никто не живетъ. — И эта причина, вѣроятно удовлетворительная для муллы, была и для насъ единственною. — Что же касается до ихъ красавицъ, то кромѣ живыхъ черныхъ глазъ, почти всѣмъ общихъ, ни одна не привлекаетъ особеннаго вниманія; онѣ очень похожи на Цыганокъ: также смуглы, также худы, также загорѣли и также неопрятны.

Много писано о Черкесахъ: одни превозносили ихъ мужество, геройство; другіе великодушіе, гостепріимство; иные смѣлливость, расторопность, честность и разныя нравственныя достоинства. Нѣкоторые, напротивъ, выставляли ихъ жестокими, кровожадными, коварными, алчными, мстительными и пр. Въ существѣ и то и другое преувеличено, хотя основныя черты довольно правдивы: они представляютъ въ себѣ нравственную смѣсь

пороковъ и качествъ, общую всѣмъ необразованнымъ народамъ. Степень же образованности, на которой они остановились, есть конечно послѣдняя въ быту народовъ: они не имѣютъ еще ничего что̀ составляетъ гражданственность; семья, единица всякаго общества, у нихъ ничѣмъ не связана съ сосѣдственной семьею; напротивъ, правило «кровь за кровь» полагаетъ сильныя преграды этому соединенію. Вмѣсто правительства у нихъ анархія; вмѣсто законовъ — привычки и обычаи; вмѣсто грамоты — изустныя преданія; вмѣсто общей довѣренности — взаимный страхъ; вмѣсто религіи — частныя суевѣрія. Ни Христіанство, ни война, ни торговля, ни роскошь — всѣ элементы, изъ которыхъ составилась Европейская образованность, къ нимъ не проникаютъ, и, вѣроятно, легче ихъ истребить нежели просвѣтить, ибо они не замѣчаютъ своего варварства и замѣнить его не могутъ и не хотятъ. Люди, снискавшіе среди ихъ власть и извѣстность, доказываютъ неподвижность этого народа на пути просвѣщенія: самъ Кази-Мулла едва читалъ Алкоранъ и управлялъ толпами своихъ приверженцевъ посредствомъ фанатизма и ненависти къ Рускимъ; онъ умѣлъ воспользоваться ихъ стѣсненнымъ положеніемъ и враждебнымъ безпокойствомъ, которое поддерживаютъ праздность и скука, и пріобрѣлъ матеріальную силу; но будучи самъ столь же невѣжественнымъ, какъ и народъ имъ предводимый, онъ искалъ только занять ихъ, но никакихъ не имѣлъ видовъ на политическое или нравственное преобразованіе края. Онъ могъ быть опасенъ своею дерзостью и личнымъ вліяніемъ, собиравшимъ что-то похожее на войско подъ его знамена, но не предусмотри-

тельностію, полагающею прочныя основанія порядку вещей намъ враждебному. Съ его смертію разсѣялись толпы, которыя и при жизни его разсѣялись бы не много позднѣе. Эта же минутная вспышка поставила горцевъ въ худшее положеніе нежели въ какомъ они были, ибо заставила Рускихъ еще болѣе стѣснить ихъ въ вертепахъ и доказала, что ни въ какомъ случаѣ на нихъ не льзя полагаться. Теперь ясно, что если они не опасны, то весьма безпокойны; а долгъ всякаго не только оборониться отъ льва, но отмахнуться и отъ комара.

Черкесы занимаются скотоводствомъ, торгуютъ лошадьми и ни одному нашему барышнику въ этомъ ремеслѣ не уступятъ. Водятъ большое количество овецъ, извѣстныхъ подъ названіемъ карабагскихъ, отличающихся длинной шелковистой шерстью, которая бы могла идти на приготовленіе гарусовъ. Богачи держатъ верблюдовъ иословъ, употребляемыхъ для перенесенія тяжестей. Сѣютъ въ небольшомъ количествѣ просо, едва достаточное на ихъ скудное пропитаніе; пшено и жареные на палочкахъ кусочки баранины составляютъ любимую ихъ пищу; въ продолжительныхъ походахъ они довольствуются небольшою горсточкою каши, которой бы у насъ не насытился и 5-ти лѣтній ребенокъ. Ихъ крѣпость, здоровье, бодрость и сила опровергаютъ наше народное повѣрье, что человѣкъ въ физическихъ трудахъ и движеніи требуетъ болѣе пищи, и которому вѣрно слѣдуя, одинъ изъ нашихъ извощиковъ, въ одинъ обѣдъ, съѣдаетъ болѣе каши, нежели 5 Черкессовъ въ недѣлю; этимъ же фактомъ опровергается и ученый афоризмъ Дюпеня, будто рабочему человѣку, для поддержанія силъ, необходи-

мо мясо. Черкесъ не врагъ крѣпкихъ напитковъ, и если употребляетъ ихъ рѣдко, хотя безъ всякой умѣренности, то потому только, что сами они водокъ не умѣютъ приготовлять, а отъ насъ получать имъ и трудно и дорого.

Одѣваются сукномъ и полотномъ сработанными грубо женами и дочерьми; но щеголяютъ покроемъ платья, сафьянными цвѣтными мешками, особенно оружіемъ: шашки, пистолеты, кинжалы рѣдкаго достоинства и превосходной оправы.

Султанъ, гордый своимъ знатнымъ родомъ, основанномъ на изустныхъ преданіяхъ, ибо никто не имѣетъ граматъ и рѣдкіе умѣютъ ихъ читать, предводительствуетъ на войнѣ и въ набѣгахъ; но никакой законной власти въ мирное время не имѣетъ: ему остается одно личное вліяніе, мужествомъ пріобрѣтенное, богатствомъ, щедростью и гостепріимствомъ поддерживаемое.

Законовъ писанныхъ нѣтъ: признаютъ кой-какія привычки и обычаи, сохраняемые стариками, и обязующіе только слабыхъ.

Имѣютъ рабовъ, которыми вѣроятно завладѣли въ междоусобныхъ войнахъ, ибо они такіе же Черкесы или Ногаи; обращаются съ ними весьма жестоко.

Черкесы видны собою, средняго роста, широки въ плечахъ, крѣпкаго сложенія, хотя худощавы—что́ должно приписать къ ихъ подвижной жизни и большой умѣренности въ пищѣ. Черты лица ихъ правильны, рѣзки и выразительны; глаза огненные; физіогномія способная выражать быстро всѣ движенія души волнуемой страстями, или скрыть ихъ, по волѣ обладателя, завѣсою совершеннаго равнодушія. Загаръ солнца и вѣтра, слѣ-

ды необузданной, но сильной воли на высокомъ челѣ, и крѣпко обрисованныя уста, повинующіяся то благоволительной улыбкѣ, то порывамъ скрываемаго негодованія, придаютъ суровымъ лицамъ ихъ мужественную и характеристическую красоту, которой идеала напрасно будете вы искать въ нашихъ гостиныхъ, гдѣ и усы нафабрены и брови насурмлены и геройство выучено у Каратыгина. Дикую красоту Черкеса постигъ Салваторъ Роза въ грозныхъ картинахъ своихъ, стоющихъ поэмы.

Въ обществѣ Русскихъ, Черкесъ вѣжливъ, скроменъ и даже остороженъ; обращеніе его исполнено благородства, ловкости и достоинства: вѣрхомъ общежитія у нихъ почитается ничему не удивляться.

Войну Черкесъ любитъ: она разнообразитъ скучную жизнь его, лишенную нравственнаго занятія въ мирное время; вполнѣ развиваетъ всю дѣятельность и силу бодрой души его; удовлетворяетъ пылкости немногихъ, корыстныхъ страстей, ибо онъ рѣдко подвигнутъ къ войнѣ политической причиною, которой и не понимаетъ, но всего чаще личностью, ненавистью или фанатизмомъ: въ войнѣ Черкесъ кипитъ храбростью и волей. Подобно героямъ Гомера, они не почитаютъ стыдомъ укрыться отъ непріятеля сильнаго, и съ жестокостью истребляютъ слабаго. Переходы дѣлаютъ быстроты необыкновенной, съ большимъ соображеніемъ смѣлой тактики, въ чемъ много помогаютъ имъ знаніе мѣстностей, неутомимость коней и способность существовать бездѣлицей.

Черкесъ не понимаетъ регулярства, но мастеръ владѣть ружьемъ по-одиначкѣ, ужасенъ съ шашкою

въ рукахъ: находили на полѣ сраженія разсѣченныя по поламъ головы и ружейные стволы; и самый безтрепетный фрунтъ содрогается, когда Черкесы въ пылу битвы, въ крайней степени неистовства, бросивъ ружья и шашки, засучивъ рукава, съ дикими восклицаніями: «Алай-ла, Алай-ла!» кидаются въ кинжалы. Ни одинъ не возвращается не побѣдивъ — и горе побѣжденнымъ!

Мученья ожидаютъ раненыхъ и плѣнныхъ, ругаются надъ безчувственными тѣлами!

Трудно взять Черкеса въ плѣнъ, особенно Чеченца: перерѣзавъ женъ, дѣтей, они кинжаломъ прекращаютъ, подобно Римлянамъ, жизнь, почитаемую ими позорною. Иногда убійствомъ стараются вредить непріятелямъ, хотя увѣрены, что погибнутъ въ своемъ покушеніи. Но всѣ эти порывы отчаяннаго мужества уничтожаются стройнымъ огнемъ Русской пѣхоты, особенно артиллеріи, которой они всѣми силами избѣгаютъ. Въ мирное время, хотя Черкесъ не столь жестокъ и мстителенъ какъ на войнѣ, но также корыстолюбивъ и коваренъ. Окончивъ походъ, дома, онъ лѣнивъ, безпеченъ, *тѣшится* конями, считаетъ деньги и всѣ работы возлагаетъ на женъ.

Послѣднія не мѣшаются въ дѣла мужей, какъ въ Европѣ; не запираются въ гаремы, какъ въ Азіи; не прячутъ и не румянятъ лицъ: ни заботъ, ни утѣшеній, ни ревности мужей не возбуждаютъ и вообще почитаются въ родѣ домашнихъ звѣрковъ, довольно покойныхъ и весьма полезныхъ. Не вездѣ можно тоже сказать про женщинъ.

Разсказы о ихъ кунакахъ, о честности даннаго слова, о святости гостепріимства, должно отне-

сти къ пылкому воображенію юныхъ путешественниковъ, которые всѣ эти добродѣтели отыскали вѣроятно въ собственномъ своемъ сердцѣ. Черкесъ отъ необразованности, безъ правилъ нравственности и религіи, изъ выгодъ своего кармана, самолюбія, ненависти, мщенія, иногда отъ легкомыслія, обыкновенно вѣроломенъ и, можетъ быть, болѣе всякаго Европейца. Я говорю вообще; нѣтъ сомнѣнія, чтобы въ Азіи, также какъ въ Европѣ и Америкѣ, не встрѣчались люди строгой нравственности и высокой добродѣтели: ибо онѣ столь просты, что всѣмъ удобопонятны. Ни гдѣ однакожь эти правила столь не распространены, какъ между Европейцами: Религія ими вообще принятая есть образецъ кротости и милосердія, и хотя она возникла въ Азіи, но ни какъ не могла укорениться въ сердцахъ ея строптивыхъ обитателей!

Горцы съ своимъ буйнымъ характеромъ, съ неприступнымъ мѣстоположеніемъ и съ всегдашнимъ безначаліемъ были бы только безпокойными сосѣдями, которые по своей бѣдности и слабости могли бы всегда зависѣть отъ насъ, особенно по малымъ, но необходимымъ потребностямъ ихъ скудной жизни; и не имѣя никакихъ причинъ враждовать съ нами, прикрывая нашу южную границу отъ набѣговъ прочихъ Азіатцевъ, могли бы принять отъ насъ нѣсколько образованія, которое теперь по ненависти къ намъ рѣшительно отвергаютъ: но, отдѣляя насъ отъ Христіанской, подвластной намъ Грузіи, они уже становятся препятствіемъ, которое здравая политика Россіи старается отстранить. Они уже стѣснены со всѣхъ сторонъ: по Тереку и Кубани посслены казачьи полки; Персидскія

провинціи, отдѣляющія ихъ отъ Каспійскаго моря, принадлежатъ Россіи; военная линія строеваго войска охраняетъ отъ нихъ Грузію; Сухимъ-кале, Редутъ-кале и Анапа, гдѣ они продавали плоды своихъ разбоевъ, особенно рабовъ, въ рукахъ Русскихъ совершенно отрѣзываетъ ихъ отъ Чернаго моря, откуда они получали оружіе и порохъ. Всѣ эти мѣры ихъ стѣснили, но не уняли, напротивъ, сдѣлали ихъ вражду дѣятельнѣе и породили непримиримую ненависть къ сильной Россіи: они кипятъ ядомъ злости, какъ змѣи, въ своихъ вертепахъ. Какія-же предпринять съ ними мѣры? Уничтожить ихъ огнемъ и мечемъ Россія могла-бы, но, вѣроятно, не хочетъ, ибо щадитъ равно кровь своихъ какъ и враговъ; мирное вліяніе отвергается: остается запять горы крѣпостями и замками, какъ Тевтонскіе рыцари сдѣлали съ сѣверной Пруссіей, Курляндіей и Лифляндіей. Крѣпость Сакатала уже воздвигнута въ нѣдрахъ самаго Кавказа; еще двѣ или три подобныхъ, соединенныхъ хорошими дорогами, вдоль и поперегъ горъ проложенными, и множество небольшихъ замковъ, съ малымъ гарнизономъ, съ 2–3 пушками, занимающихъ главные промежуточные пункты, вѣроятно удержатъ и укротятъ въ короткое время буйство горцевъ, которыхъ истребленіе предало-бы совершенному запустѣнію мѣста эти и безъ того дикія. Вотъ совершенно готическая мысль, подъ пару кресламъ и башнямъ въ паркѣ.

Возвратясь въ Пятигорскъ, всѣ больные были опечалены смертью Д., недавно пріѣхавшаго на воды, хотя онъ былъ и старъ и слабъ и боленъ. Во всякомъ другомъ мѣстѣ, вѣроятно, смерть его была бы только замѣчена наслѣдниками, но на водахъ ка-

жется всѣ должны выздоровѣть, и смерть одного какъ будто разрушаешь надежды всѣхъ. Его хотѣли анатомировать и бальзамировать; приставили почетный караулъ къ дому и готовили парадныя похороны: по обыкновенію, всѣ были допущены къ тѣлу. Шла молва, будто покойникъ былъ похожъ на Наполеона; никогда не видавши Императора самаго, я внимательно разсматривалъ лучшіе его портреты Жерара, Давида, Легро, Guerin, Біасты, Торвалдзона и Кановы: послѣдній, находящійся въ Вѣнѣ въ галлереѣ Эстергази, особенно поразилъ меня выраженіемъ идеальной красоты величія и воли; геройство и торжество озаряли черты его; онъ напоминалъ и Александра и Августа. Въ это время Наполеонъ былъ повелителемъ Европы и женихомъ Эрц-герцогини! Въ живомъ Д. я ничего подобнаго не замѣчалъ, и пошелъ посмотрѣть на мертваго. Въ первый разъ тѣло бальзамировали: сходства съ Наполеономъ еще менѣе. На другой день, покойникъ лежалъ на столѣ въ военномъ мундирѣ: шпага, шляпа треугольная, ордена кругомъ на подушкахъ. Подняли бѣлый покровъ съ лица, и сходство было поразительное: съ душою отлетѣла суета жизни: мѣлкія думы насущныхъ заботъ не прорывались сквозь неподвижныя черты; смерть заклеймила ихъ своею важностью и подернула грознымъ величіемъ гроба. Лицо покойника имѣло сходство съ мраморной статуей Наполеона, работы Шаде, хранящейся въ Петерб. Академіи, и взятой, если не ошибаюсь, въ Гамбургѣ Г. Чер.....ъ, во время отечественной войны.

Жители, войско съ барабаннымъ боемъ и пушеч-

ной пальбою, проводили покойника на временное кладбище.

Кисловодскъ. Окончивъ двухъ-мѣсячный курсъ (который не принесъ мнѣ никакой пользы) на горячихъ водахъ, я соскучился въ опустѣломъ Пятигорскѣ и переѣхалъ въ Кисловодскъ, не столько для ваннъ, которыхъ я брать не рѣшился, какъ изъ любопытства.

Обыкновеніе, здѣшними медиками принятое, отправлять въ Нарзанъ больныхъ, которымъ помогли горячіе источники, согласно вообще съ желаніемъ посѣтителей и основано на самой простой теоріи: «что̀ горячія воды чистятъ, но разслабляютъ, то̀ холодныя укрѣпляютъ.

Этой теоріей руководствовались и Черкесы, прежніе обладатели этого края, почему и дано ими холодному источнику названіе Нард-занъ или богатырская вода. Но такъ какъ я не довѣряю медицинскимъ свѣдѣніямъ Черкесовъ, хотя не смѣю сомнѣваться въ опытности и глубокой наукѣ патентованныхъ докторовъ, то предоставляю ученымъ факультетамъ судить и разбирать справедливость этой теоріи: честь изобрѣтенія отстаиваю за Черкесами.

Теорія эта существовала нѣкогда въ Германіи. Посѣтителей Карлсбада отправляли въ Франценбруннъ, котораго холодныя воды, пресыщенныя углекислымъ газомъ, имѣютъ нѣкоторую аналогію съ Нарзаномъ; но съ нѣкотораго времени эта метода отвергнута. Новая медицина признала, что одной природы достаточно для подкрѣпленія излеченнаго, хотя болѣзнью и дѣйствіемъ спруделя ос-

лабленнаго организма; чшо холодъ шутъ безполезенъ, углекислый газъ лишній и можетъ даже повредить слабымъ органамъ выздоравливающаго.

Впрочемъ всякая страна имѣетъ свою медицину; Французы хотятъ и философію сдѣлать національною (вѣроятно тоже какъ гвардію): мудрено-ли что Германія, произведшая Канша и вѣрующая Ганеману, иначе лечится нежели житель Кавказа.

Отъ Пятигорска до Кисловодска считается и прогоновъ берется за 35 верстъ; но судя по времени, кажется не болѣе 30. Ѣдишь къ югу, но въ гору; воздухъ чувствительно холоднѣе: шѣмъ пріятнѣй была намъ эта свѣжесть, что жары сухаго лѣша и духоша Пятигорска, обнаженнаго, прислоненнаго къ известковымъ скаламъ и въ сѣрномъ пару горячихъ ключей, сшановилась несносною. Дорога гладкая и живописная; по сторонамъ посѣянное просо. На половинѣ обширная казачья сшаница Ессеншукская, около которой ошкрышы щелочныя воды.

Отъ сшаницы дорога вдоль рѣчки, которая часъ ошъ часу быстрѣй, берега круче, долина уже, ушесы на право и на лѣво громоздятся выше; лѣсъ въ буеракахъ, обвалы, пещеры, дикость, запушѣніе; холмъ съ крестомъ зарѣзаннаго полковника: — Кавказъ во всемъ велелѣпіи!

Въ концѣ дороги, подошвы скалъ раздвигаются, горная сшѣна съ гранитными, колоссальными зубцами и башнями обхватываетъ горизонтъ обширнѣе, долина сшановишся просторнѣй; луга, зелень, деревья; рѣчка двоится на двѣ вершины: выдавшійся мысъ покрытъ роскошной сѣнью липъ, ака-

цій, березъ; между ними красивые домики, церковь, линія мазанокъ, осыпавшійся валъ крѣпости, досчатыя палатки ваннъ, внизу кипучій Нард-занъ: это Кисловодскъ. Деревья и растенія необыкновенной силы и свѣжести; трава ярко-изумруднаго цвѣта; воздухъ, напитанный газомъ источниковъ, живъ, прохладенъ, крѣпительнъ и удивительно пріятенъ.

Немного можно сказать о наружности Кисловодска. Поселенный пѣхотный полкъ вытянулъ линію мазанокъ, съ зелеными ставнями и съ желтыми заваленками; передъ каждой полисадникъ съ кустарниками и деревьями. Видъ деревни довольно красивъ, но внутренность не соотвѣтствуетъ даже этой немного обѣщающей наружности. Глиняныя стѣны мазанокъ сыры; комнаты низки, тѣсны, душны; двери и рамы, не пригнанныя, не защищаютъ отъ дождя и вѣтра; множество блохъ и мебели почти никакой. Про надворныя строенія и говорить нечего; это все кой-какъ и на живую нитку. По недостатку лучшаго, мы наняли одну изъ этихъ лачужекъ за весьма дорогую цѣну, заранѣе рѣшась укоротить свой курсъ какъ можно скорѣе. Около источника и между мазанокъ мелькаютъ нѣсколько дворянскихъ домиковъ порядочно обстроенныхъ, но за двѣ комнаты платили по 10 и 12 руб. въ сутки и захватывали ихъ семейные и тяжело больные. Удивительно, какъ съ этими цѣнами Кавказъ давно не обстроился великолѣпнымъ образомъ; но какой капиталистъ рѣшится жить въ здѣшней глуши, еще не всегда безопасной! Если-бы не послѣднее обстоятельство, то компанія могла бы принять на себя подобныя хлопоты и всѣ предварительные расходы,

которые какъ бы значительны не были, безъ сомнѣнія, вознаградились бы съ лихвою.

Въ Кисловодскѣ предположено выстроить городъ, что̀ совершенно убьетъ солдатскую слободу, ибо главная ея промышленность квартиры: тушъ не нужно ни искусство, ни умѣнье!

Между слободою и источникомъ находится крѣпость, т. е., нѣсколько деревянныхъ домиковъ и мазанокъ, жилище Коменданта и гарнизона, обнесенныхъ ветхимъ рвомъ и валомъ: добрый знакъ, когда обрушаются крѣпости и воздвигаются города, только не на счетъ сёлъ.

На базарной площади поставлена въ палаткѣ походная церковь, ибо каменной не успѣли еще сложить: замѣчательна тѣмъ, что служила Суворову.

Чтобъ имѣть полное понятіе о горномъ положеніи Кисловодска, надобно стать на базарной площади лицомъ къ крѣпости: по обѣимъ сторонамъ двѣ рѣчки, Ельшанка и Березовка, обтекаютъ мысъ и сливаются позади васъ въ одинъ потокъ, орошающій узкую долину, далеко видимую: передъ глазами крѣпость; на право солдатская слобода; на лѣво, внизу, долина и садъ Нарзана, гдѣ виднѣются Реброва домы и зала собранія; кругомъ громадная, довольно гладкая стѣна голыхъ утесовъ, гдѣ покрытая блѣдной зеленью, которая опливаетъ не ней, какъ изумрудная волна на сѣдой поверхности моря. Высокій гребень стѣны изсѣченъ неправильными, фантастическими узорами зубцовъ и уступовъ. Огражденный этой твердыней, за которой обитаетъ война, дикость и разбой, Кисловодскъ наслаждается миромъ и тишиною.

Не рано показывается солнце въ Кисловодскѣ. Огненный шаръ его поздно во всемъ блескѣ своемъ является на зубцахъ гранитной стѣны и чудной игрою свѣта и тѣни обдаетъ ея изгибы. Яркій свѣтъ его играетъ на крутомъ откосѣ гранита; дробится въ жемчужной пѣнѣ рѣчки; рядомъ одѣваетъ тѣнистой хламидою покрытый зеленью уступъ или рисуетъ гигантскіе силуэты на выдавшейся скалѣ.

Нарзанъ. Я не видалъ еще этого волшебника, котораго чудотворной силою здѣшняя пустыня прославилась въ Европѣ и населяется селами и городами; который разгоняетъ свирѣпыхъ Черкесовъ, съ бѣшенствомъ уступающихъ его Рускимъ; собираетъ и изцѣляетъ страждущихъ со всѣхъ концевъ обширнаго государства; разбой и насиліе замѣняетъ тишиной и безопасностью, а Азіатскую дикость обѣщаетъ превратить въ общежитіе и образованность, чѣмъ давно гордится Европа.

Черкесы весьма поэтически назвали его Нарзаномъ (богатырской водою); наши ученые силятся окрестить его «*Кислымъ.*»

Я бы всю область назвалъ Нарзаніей, а городъ—Нарзанополисъ или лучше: Нарзан-градъ; химическо-грамматическая точность названій Горячеводска, Желѣзоводска, Кисловодска, утомляя языкъ, невольно обличаетъ сухость сѣвернаго воображенія. Но что намъ до названья!

Пройдя Кисловодскъ, я спустился на долину; быстрая Ельшанка прорыла узкое русло свое глубоко въ камнѣ; покрытая пѣною, осѣненная вѣтлами, она извивается красиво; и шумъ и плескъ ея дробной волны игривъ и пріятенъ. Съ лѣвой стороны сол-

дашскіе огороды; скалы стѣною. Слѣдуя по ея теченью, я вошелъ въ садъ: липы, каштаны, бѣлая акація, бузина красиво по холмамъ разбросаны; во всѣ стороны извивистыя дорожки; домы на уступахъ горы; въ горѣ гротъ; тамъ площадка съ двумя палатками: по срединѣ Нарзанъ.

Кто меня ни встрѣтитъ, вѣрно вопросъ: видѣлъ ли Нарзанъ? Нѣтъ еще. — Такъ поспѣши. Другой, весь посинѣвшій, потирая руки, бѣжитъ мимо и кричитъ: не въ Нарзанъ-ли? онъ самъ только что изъ него. Третій, схвативъ меня за руку, бѣгомъ притащилъ къ чудесному источнику. Бассеинъ аршинъ 3-хъ въ діаметрѣ, наполненъ холодной водою въ 10° по реомюру, которая бьетъ и кипитъ бѣлымъ ключемъ какъ на огнѣ, или какъ шампанское въ круговой чашѣ. Его пьютъ съ жадностью, ибо онъ весьма пріятнаго вкуса, и употребляютъ въ ваннахъ. Немногіе съ перваго разу садятся въ природную его температуру; начинаютъ обыкновенно съ разводныхъ ваннъ и до холодныхъ доходятъ постепенно. Нѣтъ почти болѣзни, кромѣ грудныхъ, гдѣ онъ рѣшительно вреденъ, которыя бы не лечились Нарзаномъ; во многихъ онъ точно помогаетъ. Исправляетъ желудокъ, облегчаетъ емороидалистовъ, подкрѣпляетъ нервы и пр., но въ слабыхъ, худосочныхъ, особенно неосторожныхъ, которые нетерпѣливо добиваются холодной ванны, и садятся въ нее часто прошивъ мнѣнія доктора, производитъ простуды, ломоты, зубную боль, а иногда лихорадки и горячки.

Химическое разложеніе Нарзана найдете въ медицинскихъ книгахъ, а совершенное его подобіе и даже «немножко лучше» въ Московскомъ заведеніи. Я же

на опытѣ извѣдалъ, что нѣтъ пищи вкуснѣе и прохладительнѣй, въ жаркій день, какъ шампанское съ Нарзаномъ.

Чтобъ кончить разомъ всѣ достопримѣчательности Кисловодска, я осмотрѣлъ небольшую пещеру, находящуюся за солдатской слободою: въ нее входятъ съ свѣчами; въ глубинѣ журчитъ потокъ воды. Въ Германіи ей конечно бы дали поэтическое названіе, отыскали бы легенду, сочинили сказку, а возлѣ нея поселился бы промышленный чичероне съ скрыпкою или гудкомъ; я желалъ въ ней найдти образъ со свѣчою какъ въ часовнѣ; но здѣсь ни того ни другаго нѣтъ!

Однообразная жизнь наша перервалась охотою, которая производится здѣсь иначе, нежели гдѣ нибудь въ Россіи, и потому имѣетъ въ себѣ много занимательнаго даже не для охотника. Оговариваюсь, ибо самъ я не охотникъ, объ чемъ весьма сожалѣю, такъ-же какъ и объ томъ, что страсть столь благородная въ старину, стѣснилась теперь въ малый кругъ избранныхъ. Во первыхъ: здѣсь охота безъ собакъ и не на зайцевъ; и пошлость зрѣлища, столь часто повторяемаго, гдѣ слабость—жертва силы, не огорчаетъ равнодушнаго ко всѣмъ неоспоримымъ достоинствамъ гончихъ и борзыхъ. Во вторыхъ: красота и дичь мѣстоположенія со всѣмъ разнообразіемъ великолѣпной природы; множество сильнаго и хищнаго звѣря; пестрота Европейскихъ и Азіатскихъ нарядовъ и привычекъ; облава казаковъ съ полудикимъ крикомъ; взводъ пѣхоты, посылающей гулъ барабаннаго боя по окрестнымъ горамъ; разнородныя орудія и славныя горскія лоша-

ди придаютъ Кавказской охотѣ прелесть, которой она нигдѣ имѣть не можетъ.

Охота сложилась сама собою: кто взялся доставишь обѣдъ и вино, кто лошадей и сбрую, В...ъ прислалъ казаковъ, явилась пѣхота. Всего общества было человѣкъ 15. Въ экипажахъ доѣхали до первой станицы — а что за экипажи? У кого парныя дрожки, у кого бѣговыя, тотъ въ колясочкѣ, въ шарапайкѣ, цѣлыя кампаніи въ дрогахъ, даже была карета! Въ станицѣ сѣли верхами: кто по-козачьи, кто по-Англійски, по-Черкески; въ нарядахъ не менѣе разнообразія: мундиры, бекеши, архалуки, алмавивы; въ фуражкахъ, картузахъ бѣлыхъ, въ шапарскихъ косматыхъ шапкахъ; съ ружьями, пистолетами, шашками, кинжалами—чего тутъ не было? Вооруженіе славное! Вѣроятно у самого Тамерлана, созвавшаго народы всей Азіи къ подошвѣ Елбрусса, было менѣе разнообразія.

Длиннымъ и узкимъ ущеліемъ, поросшимъ кустарникомъ, полу-караванъ, полу-войско наше поднялось на широкую плоскость, покрытую густой травою и окруженную оврагами. Подъ нами шумѣлъ Подкумокъ и около вилась большая дорога; за рѣкою стѣна ущесовъ, которой каменныя волны представлялись вдругъ оледенѣлымъ моремъ; вдали черная Бештовая съ своими спутниками: съ другой стороны свѣтлый Елбруссъ; не видавши его долго изъ углубленнаго Кисловодска, я обрадовался ему какъ старому знакомому на чужой сторонѣ! Да простятъ мнѣ это выраженіе нашей Русской старины: нынѣ нѣтъ намъ «чужой стороны» а своей кажется еще менѣе. Эта мысль напоминаетъ мнѣ одного знакомаго Англичанина, которому сказали за границею:

« Вамъ должно быть очень пріятно встрѣтить здѣсь такъ много соотечественниковъ. » Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я не за тѣмъ пріѣхалъ. Глубокая истина. Но возвратимся къ охотѣ, которая меня такъ занимаетъ.

Послѣ краткаго совѣщанія на военномъ совѣтѣ, мы, во исполненіе утвержденнаго плана импровизированнаго импровизированнымъ главнокомандующимъ, обстали одинъ оврагъ; казаки и пѣхотинцы въ него спустились, и одни крикомъ, другіе барабаномъ выгнали къ намъ кабановъ, оленей, козъ. Легко себѣ представить радость и тревогу всей нашей линіи, въ минуту разорванной. Поднялась суета, скачка, и всѣ наши враги, подъ многочисленными выстрѣлами нашими, безвредно перебѣжали въ другой оврагъ. Матерой олень вышелъ изъ опушки въ десяти шагахъ отъ меня; я привѣтствовалъ его пистолетнымъ выстрѣломъ; другая пуля просвистѣла мимо ушей моихъ съ такимъ же успѣхомъ; олень пріостановился у дубоваго куста, закинулъ рога на спину, присѣлъ на заднія ноги, перепрыгнулъ спрѣлою черезъ кустъ и мигомъ изчезъ. Мы собравшись въ кучку себя пересчитали: по счастью, судьба хранила пріятелей, какъ наше искусство непріятелей, и мы отправились тѣмъ же порядкомъ къ другому оврагу, а тамъ далѣе, и такимъ образомъ мы тѣшились почти до вечера съ одинакимъ рвеніемъ, съ равнымъ успѣхомъ. Сытный обѣдъ, подъ открытымъ небомъ, удовлетворилъ весьма возбужденный аппетитъ, и я понялъ какъ можно пристраститься къ охотѣ со всѣми ея послѣдствіями.

Отъѣздъ. Однакожь всѣ наши удовольсшвія начали притупляться; погода портилась; посѣтители разъ-

ѣзжались; даже базары, снабжавшіе насъ роскошно говядиной, форелью, спѣлыми ягодами, стали измѣнять. Малое наше общество дѣлилось: выздоровѣвшіе съ нетерпѣніемъ ожидали минуты отъѣзда — а другіе, потерявъ надежду, были грустнѣе прежняго. Пора домой; надо было собираться. При прощаніи съ Кавказомъ, Алябьевъ еще разъ исторгнулъ слезы умиленія и восторга своею духовною музыкою: казалось, вся глубокая дума грустной и высокой души его излилась въ этихъ очаровательныхъ звукахъ. Еще къ числу замѣчательныхъ лицъ, посѣщавшихъ Кавказъ, безъ сомнѣнія, принадлежишъ Г. Докторъ Еллинскій, котораго слѣдъ здѣсь будешъ и памятенъ и благотворенъ; ему подобныхъ нужно разъ встрѣтить на обширномъ поприщѣ жизни, — чтобъ навсегда гордиться названіемъ человѣка: съ нимъ поймешь и обширный кругъ науки и почувствуешь высокое назначеніе человѣчества.

Прощай Кавказъ! Не теряю надежды еще тебя видѣть, вѣроятно, въ лучшемъ устройствѣ противъ теперешняго; можетъ быть, принесешь мнѣ болѣе вещественной пользы нежели нынѣ; но безкорыстно благодарю тебя за отрадныя минуты дѣвственнаго восторга при видѣ велелѣпной и дикой красы твоей; минуты вѣчно памятныя и конечно никогда не возвратимыя!...

Я. Сабуровъ.